

ВАЛЕРИЙ КРАСНИКОВ

СКИФ

FANTASY * WORLD

Валерий Владимирович Красников

Скиф

Серия «Fantasy-world»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39149356

Скиф: роман / Валерий Красников: АСТ; Ленинград; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-111464-0

Аннотация

В конце четвертого века до нашей эры юноша скиф спасается бегством из захваченного кочевниками городка, а молодой разведчик-ликвидатор в пятидесятых годах прошлого века погибает во время операции в Мюнхене. Так случилось, что тело скифа стало временным домом для сознания разведчика из двадцатого века. Он оказался в том времени, когда Великий Гелон – столица лесостепной Скифии, обезлюдел, Ольвия и Херсонес готовятся к войне за морское владычество, а молодое Боспорское царство во главе с архонтом Сатиром стремится покорить Феодосию. Сарматы, меоты и синды – каждый народ стремится к влиянию и оставляет свой след в истории. Смогут ли его знания и опыт прошлой жизни помочь ему в новых, невероятно тяжелых для выживания условиях? Окажет ли наш герой влияние на ход исторических событий?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	62
Глава 7	72
Глава 8	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Валерий Красников

Скиф

© Валерий Красников, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Яркое, пылающее жаром солнце затянуло тучами. Нежный, едва ощутимый в полуденном зное ветерок задул яростно. Старый беспалый пастух тревожно посмотрел на небо. Еще вчера он знал, что знойная сушь, стоящая с начала лета, сменится желанными дождями, однако погода портилась быстрее, чем он ожидал.

Пастуха звали Андарином из рода Нотона. И пас скот он не всегда. Когда-то отважный десятник всадников Ильмека достойно сражался. Десять зим назад к воротам городка подошли кочевники. Хоть и одетые как сколоты¹, они грабили и безжалостно убивали оседлых сородичей. Их боялись и ненавидели все сколотские племена за то, что они поедали павших в бою, а с живых снимали кожу, чтобы обтянуть ею свои гориты². Рубили пленникам головы, нанизывали их на ремни и вешали на конскую шею, устрашая чужаков и бахвалясь друг перед другом. Отец истории³ называл их андрофагами, что в переводе с греческого языка означало – людоеды.

¹ *Сколот* – самоназвание скифов. Переводится как царские. Существуют и другие версии перевода, например, лучники.

² *Горит* – деревянный футляр для лука и стрел.

³ *Отец истории* – Геродот. Геродот Галикарнасский (около 484 г. до н. э. – около 425 г. до н. э.) – древнегреческий историк, автор первого сохранившегося полномасштабного исторического трактата – «Истории».

Чуть позже тысячи всадников из Гелона⁴ спасли городок от разорения, а его население от печальной участи. Чуть позже... а тогда три сотни рослых всадников, размахивая над головами длинными мечами, не прячась от камней и стрел, летящих в них, спешили отогнать стадо Ильмека в степь. Андарин и сотня Хазии кружили вокруг, стреляли из луков, метали пращами камни. Увы, дикарям, сынам Еллуна⁵, защищенным железной броней, ни камни, ни бронзовые наконечники стрел были не страшны. И сколоты любили войну и воинскую добычу, но их враги войной жили! Поэтому на каждом из них позванивала на скаку захваченная в бою сармийская броня и добрый меч легко рубил сколотские головы. Кочевники, разогнав защитников Ильмека, в тот раз отступили, угоняя скот в степь. Хазия приказал отправляться в погоню, не дать врагам увести скот.

⁴ *Гелон* – согласно Геродоту, город в земле скифского племени будинов, столица племени гелонов, которое якобы происходило от греческих колонистов, изгнанных из приморских поселений и осевших среди будинов. Жители города говорили на смеси скифского и греческого языков. По версии Б. А. Шрамко, Гелон отождествляется с Бельским городищем возле села Бельск Котелевского района Полтавской области (Украина). Геродот описывает Гелон как деревянный город, обнесённый высокой стеной, каждая сторона которой протянулась на 5,5 км, с деревянными же домами и святилищами, в том числе эллинских богов. У этой версии есть и противники. Однако автор «Скифа» принимает именно эту версию. Бельское городище окружено валом протяженностью около тридцати семи километров и состоит на самом деле из трех поселений. Если пофантазировать, то можно предположить, что насыпались эти валы для защиты от меланхленов, племени кочевников-людоедов.

⁵ *Еллун* – так скифы называли злого духа, демона.

И снова сколоты, рассчитывая на помощь из Гелона, подобно собачьей своре, атакующей кабана, удерживали врагов. Андарин, разворачивая коленями коня, натягивал тетиву, целился в дикаря. Сколько раз за тот бой ему хотелось выстрелить в коня номада, но сердце не позволяло причинить вред благородному животному, верному другу каждого сколота, а враг имел хорошую броню. Куда стрелять? Вдруг чья-то стрела разорвала кочевнику ухо. Он запрокинул голову, и десятник, наконец, пустил свою стрелу в незащищенную, открывшуюся для смертельного выстрела шею. Враг свалился с коня, а Андарин, радуясь удачному выстрелу, воскликнул:

– Хэй!

Радовался он не долго, заметил, как другой дикарь уже занес над ним меч. Муртак, получив в бока пятками, резво прыгнул в сторону, спасая хозяина от смерти. Войлочная тиара⁶ слетела с головы сколота, а путь к бегству перекрыли десяток врагов. Спрятав лук в кожаный горит, Андарин выхватил из ножен акинак⁷ и, закусив ус, направил коня на грозного, но одинокого кочевника. Тот, разгадав намерение сколота, улыбался, поигрывая мечом.

Вспоминая о том, что произошло потом, пастух проклинал дикаря, проклинал все десять прошедших долгих лет.

⁶ *Тиара* – высокий головной убор, колпак. Обычно войлочный, мог быть кожаным и даже золотым у царя.

⁷ *Акинак* – скифский кинжал длиной около тридцати сантиметров. Не часто, но все же встречаются акинаки от сорока до шестидесяти сантиметров.

Разбойник его не убил, он умело отсек ему пальцы, чтобы больше никогда Андарин не смог воспользоваться луком. Тогда людоеды отпустили его, еще не зная, что сами уже не вернуться в свои земли. Всадники из Гелона разорили их стойбища до реки Танаис⁸. Прошли годы, людоеды больше не беспокоили жителей Ильмека.

Покалеченная дикарем рука болела уже два дня. Андарин знал – к дождям. Воздух пах влагой с вечера. Принюхиваясь, пастух задержал взгляд на хмуром горизонте и медленно побрел к стаду, вокруг которого носились ликующие детишки. Ему навстречу шел сын, названный четырнадцать лет назад Фароатом. Имя ему дала мать, прежде чем умерла от горячки. За последний год мальчик вытянулся и возмужал. Уже этим летом он пойдет с воинами Хазии на свою первую охоту, а потом, быть может, и в поход, туда, где садится солнце, или к Понту⁹.

«Лучше в дикие земли! Раб много стоит, а заносчивые припонтийцы нас называют дикарями и за хлеб платят хуже, чем торгашам из земли больших каменных курганов¹⁰».

Фароат схватил отца за здоровую руку:

– Отец, дождь! – закричал он, радуясь первым каплям, и закрыл глаза, ослепленный ярко-синей вспышкой молнии.

Ударил гром. Заблеяли овцы, коровы подняли от земли

⁸ Танаис – река Дон.

⁹ Понт – Черное море.

¹⁰ Земля больших каменных курганов – Египет.

головы и замерли в тревоге.

– Пойдем, сынок, укроемся от дождя.

Они подошли к лошадям, и Фароат, сняв со спины пегой кобылы шесты и коровью шкуру, стал мастерить навес.

Дети, еще недавно резвившиеся на выпасе, убежали за ворота под соломенные крыши мазанок. А пастухи присели под наброшенную на шесты шкуру. Андарин кормил сына хлебом и сыром, любуясь его лицом. Фароат был похож на Лабри – свою мать.

«Алиша, дочь Артаза, глаз не отводит от сына. Только отдаст ли Артаз ему свою дочь? Проклятые дикари! Артаз разбогател, а я? Сколько рабов мог бы привести? Сколько хлеба они вырастили бы для меня?!»

– Отец, Хазия возьмет меня на охоту?

– Возьмет, сынок, – ответил Андарин и задумался о старом луке и железном акинаке, что в нужде сумел сохранить для сына.

Загорелое и неподвижное, с круто изогнутыми бровями, далеким взглядом карих глаз, заросшее густой бородой лицо отца испугало Фароата:

– Что случилось, отец? Чем ты встревожен?

– Не я учил тебя стрелять из лука...

– Афросиб научил меня!

– Я знаю, – ответил Андарин.

Косые струи дождя полоскали землю, животные сбились в кучу.

– Пойдем, сынок. Пора возвращаться домой.

Андарин вылез под дождь и побрел к коню. Муртак, учув-
яв хозяина, наострил уши и заржал. Пастух здоровой рукой
потрепал седую гриву, быстрым движением беспалой смах-
нул капельки воды с его шеи и сел верхом. Подгоняемое кри-
ком пастуха стадо, поскользываясь на размокшей глине, мед-
ленно побрело к городку.

Фароат покинул убежище и под проливным дождем спе-
шил разобрать навес. Намокшая шкура стала тяжелой, и он
с трудом свернул ее. Пегая равнодушно стояла, пока Фароат
пристраивал на ее спине поклажу, и недовольно всхрапнула,
ударив в воздух задними ногами, когда юноша взобрался ей
на спину. Отца он нагнал у кибиток воинов Хазии. Дед во-
ждя был еще степняком и кочевал с родом от Ильмека до
Понта, пока Афендот из Неаполя, а городишко тот был ни-
чем не лучше Ильмека, не объявил себя архонтом¹¹ и стал
жить как эллин. Воины привязали его к конскому хвосту и
гнали коня по горам до самого Понта. Вожди, близкие рода-
ми к Афендоту, решили отомстить деду Хазии. Тот со сво-
ими людьми, их женами и детьми добежал до Ильмека, где
и осел. До сих пор воины живут в землянках на южной сто-
роне и оберегают городок, поставив свои кибитки за низким
валом, опоясывающим богатые усадьбы. Чуть дальше, там,
где заканчивается мысок, на котором стоит городок, насыпан

¹¹ *Архонт* – начальник, правитель, глава – высшее должностное лицо в древнегреческих полисах (городах-государствах).

высокий вал, защищающий Ильмек от кочевников. С трех сторон крутые склоны, заросшие редким кустарником, делают городок неприступным. Спуститься в глубокий овраг можно, а вот подняться наверх быстро уже не получится.

Со времен деда Хазии воины держали свое стадо овец. Отправляясь в поход за рабами, или сопровождая обоз с пшеницей к Гелону, откуда, бывало, они уходили дальше к Понту до самой Ольвии к эллинам, всегда брали с собой овец, даже возили их на холках своих коней, когда нужно было поспешить. Отару воинов Андарин отделил от коров и погнал к землянкам. Женщины спешили увести своих животных к жилищам.

Чуть позже изрядно поредевшее стадо Андарин и Фароат погнали к центру городка мимо низких, обмазанных глиной полуземлянок пахарей и срубов ремесленников к усадьбе Силака. Ему принадлежала большая часть урожая и оставшиеся в стаде коровы были его.

Силак вершил суд. Андарин сетовал в мыслях: «Когда я был в возрасте Фароата, все было по-другому. Урожай делили по ртам, оставшийся хлеб меняли на эллинское вино и масло, бронзовые изделия мастеров из Гелона. Золота не видели, зато ели хорошо, пили, охотились в лесу и на озерах, пахали землю и воевали по нужде и в охотку. Гончар лепил и обжигал глину, женщины вместе валяли овечью шерсть, пряли, дубили конские и коровьи шкуры. Хорошо было, пока нравы архонтов понтийских городов из сколотских родов

не перекинулись в Гелон и его окрестности. Архонт требовал часть урожая, приплода и золота, обещал защитить от кочевников-людоедов. Что же, защитил. Такой силы и эллинским архонтам собрать нынче не по силам. Прогнали дикарей за реку, но жить стали хуже...»

Фароат плохое настроение отца воспринял иначе: «Кончится дождь, соберет Хазия воинов на охоту и меня возьмет. Кто отцу поможет со стадом управиться?» Так, думая каждый о своем, добрались они до плетня усадьбы Силака. Сармийка¹² Соня, приговаривая по-своему, забрала коров. Фароат, который раз подивился тому, что многое из языка сармиев ему понятно. «Вот ведь как! Что эллины говорят, не понять, а сармии тоже говорят не так, как мы, но все понятно!»

Прислужница Силака – Ани отвела их в дом, стоящий неподалеку от летнего загона. Накормила вареным мясом, налила кислого вина. Быстро захмелев, Фароат прилег у очага. От вымокших под дождем штанов и куртки повалил пар. Ему не хотелось идти в их с отцом лачугу, где еще нужно было разжечь огонь в очаге, почистить кобылу и, может быть, отцовского Муртака. Нашупав в кожаном мешочке, который он всегда носил на шее, несколько пшеничных зерен, бросил их в огонь и попросил богов о благе для себя и отца. Едва прилег, как сразу уснул.

¹² *Сармийка, сармиш* – тут сарматка, сарматы – кочевые племена, существовавшие параллельно со скифами, в описываемый период – за рекой Дон и на Кубани.

Мокрым утром, еще до зари, его разбудила Ани. Конь отца и пегая кобыла пофыркивали за тонким глиняным простенком. Отец отдыхал на овечьих шкурах, там, где обычно спала служанка.

– Фароат, проснись, если еще не передумал стать охотником. – Услышав Ани, парень вскочил с земляного пола. – Беги за луком и акинаком, – улыбаясь, прошептала женщина.

– А как же отец? – встревожился Фароат.

– Беги, я позабочусь о нем.

Он выбрался из лачуги и, поскользнувшись в грязи, упал. Моросил редкий дождик. В непроглядной тьме слышались стуки и далекие голоса. Фароат вывел из хлева кобылу и, держась плетня усадьбы Силака, медленно пошел к выходу.

В отцовской лачуге пахло сыростью. Оставленная снаружи кобыла похрустывала сухой лепешкой. Фароат на ощупь нашел сверток из мягкой шкуры ягненка и, достав из него огниво, поджег сложенный в очаге костерок. Рядом стоял древний, обитый потемневшей медью эллинский сундук. В нем хранились богатства рода Нотона: горит с луком и стрелами, акинак, египетские и персидские стеклянные бусы матери, десяток заморских ракушек, за которые теперь и барана не купишь, монисто из серебряных драхм – все, что смог накопить отец для него. Обтянутый кожей быка щит и короткое копье с железным наконечником лежали у входа на земляном полу.

Фароат достал из сундука оружие, натянул на лук тетиву,

подпоясался широким кожаным поясом с большой, в виде головы птицы, бронзовой пряжкой, обулся в мягкие, но затертые, в черных жирных пятнах, чувяки и, не гася огонь, покинул лачугу.

Пегая заупрячилась, едва Фароат взял ее под уздцы, забила копытом и заржала. Фароат, вспомнив, как отец без узды, одними коленями, лихо правит своим конем, приуныл. Услышав, как заржали в ответ кобыле жеребцы охотников, в сердцах ударил ее кулаком по мохнатой морде. Обиженно всхрапывая, пегая бестия позволила Фароату сесть на себя.

Прося прощения у богов за обиду, нанесенную лошади, юноша шагом поехал к охотникам.

– Фароат, Фароат... – уже на окраине городка, у самых повозок воинов Хазии его позвала Алиша – дочь Артаза. Тихо, таясь от родни, звала. Свернув к повозкам, он подъехал к той, за которой она спряталась. Девушка поспешно забросила на холку кобылы переметные сумы и, ласково коснувшись руки Фароата, ушла, растворившись в предрассветных сумерках, не сказав больше ни слова.

– Спасибо! – крикнул он ей вслед и услышал вдалеке многоголосое: «Хей!»

Отряд охотников выступил в поход. Фароат не беспокоился о том, что Хазия его не дождался: два десятка повозок будут на протяжении всей охоты сопровождать охотников. Если повезет, то вернутся, груженные тушами лосей и кабанов.

В прошлом году к воинам присоединились шестеро юно-

шей. Двое из них не вернулись в Ильмек уже после своей первой охоты. Хазия напал на небольшой отряд воинов царя Боспора, сопровождавший какого-то архонта из эллинов. Он рассчитывал поживиться золотом и серебром, а потерял семерых воинов. Опасаясь мести владыки, Хазия отменил охоту и повел свой отряд к Гелону. Там, столкнувшись с торговцем из Ольвии, нанялся охранять его товары.

В этом году Фароат был единственным, кто пополнил отряд воинов. И он радовался, что его не дождались: слишком убог его наряд и оружие, строптивая пегая кобыла под ним только добавила бы поводов посмеяться над бедностью рода Нотона.

Выехав за ворота, Фароат пустил кобылу в галоп. Он быстро догнал повозки и всадников Хазии. Навстречу ему выехал сам предводитель. Его черный сармийский конь-великан потянулся было к морде пегой, но Хазия, натянув твердой рукой повод, заставил жеребца попятиться.

– Если твоя кобыла захочет любви, останешься в степи сам, – вместо приветствия проворчал воин. – Садись в повозку к Афросибу и не путайся под ногами... – приказал он и ускакал вперед.

Афросиб правил третьей повозкой. Его конь шел следом. – Здравствуй, Фароат! – старый воин обрадовался, увидев своего последнего и, пожалуй, самого талантливого ученика. Он знал, что у юного Фароата твердая рука и меткий глаз. Юноша поклонился учителю и слез с лошади. Пегую при-

шлось привязать к деревянной раме повозки. – Не грусти, моему коню твоя кобыла по вкусу, – Афросиб рассмеялся. Заметив, что на Фароате лица нет, погладил его по спине и обнадежил: – Еще добудешь себе коня.

Глава 2

Отряд Хазии направлялся к дану, так скифы называли все реки. Там, на реке и больших озерах, тысячи диких гусей ставили на крыло свое потомство. Успешная охота – это когда охотники с добычей вернутся в Ильмек: и удовольствие от меткого выстрела, и много хорошей еды, что позволит не забивать скот до наступления холодов.

Афросиб в который раз рассказывал Фароату о том, как надлежит себя вести на охоте:

– Не шуми, первым не стреляй, бей тех, что сидят на воде. – Фароат кивал в ответ, а когда старый Афросиб угостил кислым вином, выпил и, захмелев, к удовольствию старика, уснул.

Проснулся он, когда кибитка остановилась.

– Мы не пойдем к реке, – прошептал Афросиб, – Хазия разрешил охотиться всем по умению.

Фароат с грустью посмотрел вслед уходящим к реке охотникам, но промолчал.

– Река широка. Птица любит гнездиться на островах далеко от берега. Им придется очень постараться найти глупых гусей, что плавают у берега. Лето выдалось сухим. Болота вокруг высохли, – Афросиб многозначительно посмотрел на ученика. – Пойдем.

Фароат кивнул и пошел за стариком. Казалось, старый

Афросиб знал наверняка, что за стеной осоки и камыша на высохшем озере еще осталось достаточно воды, чтобы гуси предпочли именно это место широким водам реки.

– Шу, – учитель взмахнул рукой, – обойди это высохшее болотце и приготовь свой лук. Гуси полетят к воде. Бей без промаха, – старик глухо засмеялся.

Фароат кивнул и побежал.

Он остановился, когда понял, что находится в точности напротив крутого речного берега. Юноша стоял среди высокой травы, перевитой вьюнками, смотрел на плывущие по небу косматые облака, пока не услышал голоса охотников Хазии. Только присел, как воздух засвистел от хлопков крыльями сотен поднимающихся в лёт птиц. Он поднял лук, но сдержался, увидел, что над его головой летят утки. Тут же запели стрелы, выпущенные из лука Афросиба. Лоб Фароата от напряжения покрылся капельками пота. Наконец он услышал тяжелые хлопки крыльев: «Гуси!»

Восемь раз стрелял Фароат, и все стрелы поразили цели. Его сердце пело: «Ай да Афросиб! Зачем лезть в холодную воду? Вот они – жирные тушки, пробитые меткими стрелами, лежат прямо на берегу!» Он подобрал трофеи и аккуратно вынул стрелы. В воздухе снова захлопали крылья...

На этот раз Фароат не был столь удачлив: он успел выстрелить раз пять и попал всего лишь дважды. Сокрушаясь об утеранных стрелах, юноша подобрал добычу и увидел учителя, выбирающегося из густых зарослей камыша. На его шее

висело не меньше десятка тушек. Казалось, старик едва переставляет ноги. Чувяки Афросиба и куртка были испачканы грязью. Он сбросил добычу на землю и одобрительно зацокал, отмечая успех Фароата. Ловко вынув из горита ученика стрелу, Афросиб щелкнул пальцами по кончику. Маленький бронзовый наконечник слетел с древка и затерялся в высокой траве. Афросиб подрезал древко и насадил новый. Фароат понял учителя и тут же проверил все свои стрелы.

– Теперь ты иди, – приказал Афросиб.

Фароат было потянулся к добыче, связанной кожаными ремнями, но учитель его остановил.

– Даже лисе не утащить, – он указал рукой на прибрежные заросли в полете стрелы вниз по течению. – Подождешь немного, пока я обойду озеро, потом пойдешь. Увидишь птицу, бей. Понял?

Фароат кивнул. Он дал Афросибу немного времени. А когда тот скрылся за стеной камыша, медленно пошел ко второму озеру. Шуршала под ногами трава, мелькали проносящиеся над головой ласточки. У озера запахло мятой. Пробираться сквозь густые заросли прибрежной растительности, через острую осоку, рогоз и высокий камыш стало трудно. Горит и лук то и дело за что-то цеплялись, и не было видно, куда он идет, от чего Фароат немного нервничал. Его ноги проваливались в грязь выше колен. Идти становилось все тяжелее.

Полоска воды посреди бурой грязи показалась так внезап-

но, что юноша опешил. Плавающие там птицы не встревожились с его появлением, лишь немного отплыли в сторону. Фароат поднял лук и пустил стрелу – и попал! Потом еще одну, а глупые гуси не понимали опасности, летящей к ним от фигурки человека, по пояс стоящего в воде. Только время от времени они хлопали крыльями и выгибали серые шеи. Охотник стрелял уже не таясь, пока полностью не опустошил горит. Спрятав лук, пронзительно засвистел, гуси загалдели и поднялись в воздух. Собрав добычу, Фароат пошел вокруг озера к учителю. У того охота тоже удалась. Он сказал:

– Славная охота!

Афросиб, связывая лапки убитых птиц, радовался не меньше Фароата. У зарослей тальника до самого вечера Фароат ощипывал тушки, затем собирал сухое дерево и прошлогодние листья, вырыл яму и нарубил щепок. Афросиб тем временем привел коней и свой возок.

Вдвоем они закоптили несколько тушек, потом ели свежее мясо, запивая его кислым вином, и Фароату казалось, что этот день – лучший за всю его жизнь.

Через два дня Хазия приказал окончить охоту. А если бы и не приказал, Фароат и так нагрузил возок Афросиба тушками гусей по самые дуги. Охота удалась! Юноша мечтал о возвращении в Ильмек и нежном взгляде Алиши, но Хазия решил иначе. Он повел отряд к лесу.

– Не грусти, Фароат, – шептал на ухо юноше Афросиб, – Хазия не только отменный воин, он – вождь. Ему решать,

что и когда делать.

Отряд Хазии ушел от реки в степь. Где-то там лежал на-топтаный шлях к Гелону, а пока возки, по самые дуги скрытые ковалем и степными травами, медленно плыли по изнывающему от зноя, бескрайнему степному простору.

Афросиб задремал, а Фароат, прислушиваясь к шороху трав под колесами возка и далеким, неясным крикам сородичей, звучащим, казалось, отовсюду, сонно зевал.

Когда всадники спешили, возничие направили повозки к воинам. Фароат толкнул в бок дремавшего Афросиба. Тот, открыв глаза, посмотрел на уходящее за горизонт солнце и направил возок к месту привала.

Воины Хазии – коренастые, загорелые, одетые в шаровары из кожи, обутые в мягкие чувяки, распрягали коней и заводили их в середину лагеря, вокруг выстраивали возки.

Когда на небе замерцали первые звезды, огромным красно-оранжевым кругом поднялась над горизонтом луна, в лагере запылали костры. В бронзовых котлах варилось мясо. Дым от костров облаками стелился над степью, смешиваясь с мглистым туманом.

Наевшись, воины стали собираться у костра вождя, принося с собой ветки, собранные на обильных зарослях ив берегах реки.

– Пойдем, Фароат, – вытирая жирные руки о ляжки, сказал Афросиб.

Юноша оторвался от созерцания догорающих угольков и

с удивлением спросил:

– Куда?

Афросиб рассмеялся.

– Неужто тебе не хочется послушать истории о славных подвигах?

Фароат понял, что Афросиб зовет его к большому костру вождя, где уже собрались почти все охотники. Его глаза засияли, гладкие, пока еще безволосые щеки зарделись. Фароат сделал несколько быстрых шагов к пылающему неподалеку огню, но Афросиб остановил его.

– Не так быстро, малыш. Сними с возка пару сучьев. Разговор будет долгим, полночь еще не скоро.

В кругу воинов появился мех с вином, что не осталось незамеченным Афросибом. Пока Фароат возился у возка, отвязывая двухметровую жердину, учитель присоединился к веселой компании.

Наконец Фароату удалось вынуть из петель самую верхнюю палку. Он проверил другие петли, прочно держащие деревянные сучья на дугах возка, и, удовлетворенный осмотром, спрыгнул на землю. Мимо как раз проходил Сохаб. Его приняли в род Хазии прошлым летом. Он тащил на плече кривую ветку дуба и тарашился на пирующую компанию. Поднимая с земли жердину, Фароат стукнул ее концом о возок. Сохаб тут же отбросил свою ношу и, резво отпрыгнув в сторону, выхватил из ножен акинак.

– Это я, Фароат, – поспешил отозваться юноша.

– А-а, – разочарованно произнес Сохаб и убрал оружие.

– Ты зачем кинжал доставал? – спросил Фароат и улыбнулся.

– Прошлым летом ушли к богам Мегабаз и Аранх. Мне пока рано идти за ними. Лучше посмеемся сейчас над тем, как ты меня напугал, чем остаться в степи с перерезанным горлом.

Сохаб поднял брошенную ветку и направился к пирующим у костра воинам. Фароат поспешил за ним. Юноши, положив свою поклажу на внушительную гору сучьев, навалом лежащих у костра, скромно стали за спинами воинов. Как ни прислушивался Фароат к их разговорам, но ничего толком разобрать не смог. Сохаб толкнул его плечом и вложил в руки полупустой мех. Молодой охотник крепко приложился губами к горлышку. Кислое вино потекло по подбородку и шее, а Фароат все пил.

– Хватит! – услышал он и почувствовал, что кто-то пытается забрать у него вино. То был Афросиб. Учитель смотрел с укором и грустью в желтых глазах. – Зачем пьешь? Одних разговоров об охоте будет мало. Надобно еще умение свое показать. Не пей больше! – сказал старик и ушел к воинам, лежащим на шкурах у костра.

Фароат не расстроился. Напротив, от выпитого вина приятно зашумело в голове, поднялось настроение. Он даже сумел разобрать, о чем говорят Ароба и Сивахш. Они говорили о броне эллинской и сармийской.

– Я куплю в Гелоне панцирь, – сказал Ароба и зазвенел кожаным мешочком под носом у Сивахша.

– На что он тебе? Неужто станешь воевать пешим?

– Не стану. А вдруг придется? От копья убережет и стрелы.

– Сармийский меч расколется его как орех, – возразил Сивахш. – Вот если бы добыть броню сармиев...

– Где они сейчас, сармии? – ответил Ароба, то ли сожалея о том, что нет их рядом, чтобы тут же добыть железный доспех, то ли намекая Сивахшу, что раз сармиев нет, то и некому будет портить эллинский панцирь.

– Все равно зря ты собрался купить его. Наша сила в конях и луке.

– Оно-то так, – Ароба снял тиару и запустил пятерню в густую гриву русских волос. – Только не было тебя, когда эллины прижали нас. Я не мог ускакать в степь и стоял перед стеной их щитов и смотрел на длинные копья. Мне было страшно. Я стрелял, но они так ловко прикрывали себя, что из двух десятков стрел лишь одна угодила в ногу греку. Тогда всех нас спас Хазия. Он собрал вокруг себя воинов, тех, кто не оставил копья в повозках, и пробился с ними через несокрушимую стену щитов. Мы бросились за ним и вырвались из ловушки. А прошлым летом?... Вспомни, сколько их было? И скольких мы убили? Все-таки броня – это сила!

– Не броня! – настаивал на своем Сивахш. – Год назад нам показалось, что эллинов мало, и мы ввязались в бой по

их правилам. Я лично заколол одного своим акинаком. Вот и потеряли воинов, будто с сармиями или кочевниками-меланхленами воевали. Помнить всегда нужно о силе нашей, о коне и горите на плече.

– Не у каждого сармия есть меч, – не унимался Ароба, – а стреляют они хуже наших воинов.

– Да и броня не у каждого есть, – соглашаясь с Ароба, добавил Сивахш.

– Вот стрельнуть бы их ардара¹³. У него и конь знатный, и меч, и броня, – размечтался Ароба.

Сивахш рассмеялся:

– Так где они сейчас, сармии?!

– Да, – закивал Ароба. – Что делать нам у Понта, если сила наша в коне и луке? Куплю в Гелоне панцирь.

Фароат внимательно слушал разговор воинов. Слушал бы еще, но Хазия, поднявшись с ложа, встал между костром и воинами. Разговоры утихли.

– Славная охота! – прокричал он.

– Славная! – ответили воины. – Здравствуй, Хазия!

Вождь поднял руку, и снова у костра воцарилась тишина.

– Фароат! – густой, наполненный силой голос вождя разнесся по степи.

Юноша, услышав из уст Хазии свое имя, растерялся и, не зная, что делать, оставался на месте, безмолвствуя. Сохаб подтолкнул товарища в спину, и юноша медленно побрел к

¹³ *Ardar* – князь, господин (словарь В. И. Абаева).

Хазии. Оказавшись рядом с вождем, он, все больше смущаясь, подтянул штаны. Хазия, положив тяжелую руку на плечо молодому охотнику, развернул его лицом к воинам и спросил:

– А как этот охотник?!

– Метко стрелял! – выкрикнул Афросиб.

– Не верим! – закричали воины.

Пока они шумели, все сильнее и задорнее вовлекаясь в игру, Хазия прошептал на ухо Фароату:

– Приготовься стрелять!

Юноша не понял, в кого ему предстоит стрелять, но за лук схватился.

Накричавшись вдоволь, воины сняли с голов тиары и по знаку вождя, которого Фароат не заметил, ибо Хазия стоял у него за спиной, подбросили их вверх.

Руки Фароата запорхали, словно крылья ласточек, что гнезятся на крутых берегах реки. И все же он сумел выпустить всего четыре стрелы. И все они попали в цель.

– Неплохо! – сказал Хазия.

– Хорошо! – ответили воины.

– А теперь еще!

На этот раз Фароат был готов и сумел поразить летящие к небу головные уборы скелотов шесть раз! Его хвалили и Хазия, и те, кто бросали свои тиары вверх.

На этом испытание нового дружинника расма – скифского отряда, закончилось. Вскоре, будто и не было веселых раз-

говоров и ночной стрельбы по тиарам, воины Хазии и сам вождь быстро уснули.

Фароату не спалось. Он побродил по лагерю, посидел у костра, подбрасывая в огонь дерево. Уснул только под утро. А когда открыл глаза, высоко в небе парила птица, и солнце успело уже выпарить с трав росу. Учитель лежал рядом и жевал стебелек ковыля.

– А где все? – спросил Фароат.

– Не всем охотникам Апи¹⁴ подарила свою улыбку. Если выспался, поднимайся, поедем домой, пока птица не протухла.

¹⁴ *Апи* – скифская богиня, у греков – Гея (Земля).

Глава 3

Возок потряхивало на кочках, оси скрипели, дуги стонали, казалось, что вот-вот дерево лопнет и повозка развалится, но Афросиб на стоны прослужившей с десяток лет телеги внимания не обращал. Время от времени он еще погонял вожжами лошадь.

Степь пела, пищала снующими туда-сюда иволгами, жужжала оводами и мухами, кружащими над лошадьми, и шумела ковылями, склоняющимися от ветра, а высоко в небе беззвучно парил орел. Фароат, пересев на кобылу, ехал рядом, слушал наставления учителя.

– Пять птиц обменяешь на новые штаны и куртку, две на чупяки. Еще пять отдашь за рубаху. Сколько твоих еще осталось? – спросил Афросиб.

Юноша морщил лоб, смотрел на грязные, с прилипшими лошадиными шерстинками пальцы, но сосчитать так и не смог, а вскоре позабыл, сколько гусей и на что он может обменять в Ильмеке. Старик терпеливо ожидал ответа. Наверное, поняв, что ответить ученик не сможет, потянул на себя вожжи, и возок остановился.

Фароат слез с лошади и, привязав ее к дуге, перебрался к учителю.

– Афросиб, можешь повторить? – попросил, зная, что ему ни в чем отказа не будет.

Старик кивнул и повторил все сказанное ранее слово в слово. Юноша, отломив веточку от сучьев, что везли они от реки, достал акинак и, слушая учителя, делал на ней зарубки.

Когда вдали показался разбитый, похожий на ров тракт от Гелона, Фароат ответил:

– Два раза по десять!

– Молодец! Но считать нужно еще быстрее. Тот воин богатеет, кто не даст обвести себя вокруг пальца торгашу! Их поменяешь на два медимна¹⁵ пшеницы. Отцу отдашь. Старик будет рад.

Афросиб потерял руки и подстегнул коня. Вскоре возок перевалился на тракт, ехать стало мягче. Где-то вдалеке клубилась пыль. Фароат привстал на козлах, но ничего не рассмотрел. Вскоре стало видно, что навстречу охотникам скачет всадник с заводной лошастью в поводу.

– Коня загонит, осел. Куда он так спешит?

Афросиб говорил спокойно, но Фароат почему-то заволновался. «Кто же по собственной воле коня так, без нужды, гнать будет?»

Всадник, не доезжая к возку на полет стрелы, замедлил бег лошади. Поехал рысью. Поравнявшись с охотниками, прокричал:

– Меланхлены идут!

И снова пустил коня в галоп.

Меланхлены назывались так, потому что носили черные

¹⁵ *Медимн* – греч. medimnos (мера сыпучих тел = 52,53 л).

одежды – короткие черные плащи. И Фароат, и Афросиб знали их как жестокое племя кочевников, расселившееся от Дона до лесов, граничащих с Ильмеком¹⁶.

Прокопий Кесарийский¹⁷, описывая войну с вандалами, писал: «В прежнее время готских племен было много, и много их и теперь, но самыми большими и значительными из них были готы, вандалы, визиготы и гепиды. Раньше, правда, они назывались савроматами и меланхленами. Некоторые называли эти племена гетами».

Историки до сих пор не пришли к общему мнению по поводу территорий, подвластных меланхленам, но сколоты не зря соорудили у городов Гелона сорокакилометровый вал. Кочевниками-людоедами в то время пугали не только детей.

Услышав от всадника новость, Афросиб погнал лошадей, уже не заботясь о возке. Он помнил, как кочевники много лет назад осаждали Ильмек. Сейчас воинов там не было, и меланхлены могут попытаться напасть. Тревожно стало на душе, и зачесались старые шрамы. Появилась мыслишка: «Смерть близка...» – и как ни пытался он отогнать ее, другие, вроде: «Успеть бы принести жертву Апи», – возвращали его к одному и тому же предчувствию. Он не страшился смерти, но любил жизнь и с презрением относился к глупцам, утратившим здоровье телесное и просящим богов

¹⁶ Полтавская область современной Украины.

¹⁷ Прокопий Кесарийский – византийский писатель, секретарь полководца Веллизария (ориентировочно 490–595 гг.).

о смерти.

Фароат уже вынашивал планы отомстить за увечье отца. Мечтал отличиться на войне, разбогатеть. Коня боевого добыть, и может, если повезет, сразить богатого ардара. Юноша не думал о смерти, и молчание учителя воспринимал как должное. Поглядывая на Афросиба, он заметил и задумчивый взгляд, и нахмуренные брови, и сжатые губы, но истолковал все по-своему, как воспоминания о славных битвах, и сам, выпрямив спину, поджал губы, во всем стараясь походить на наставника.

К вечеру они докатили к Ильмеку. Городок встретил их тишиной, даже овцы не блеяли. Ворота со скрипом отворились, и едва возок въехал за них, тут же рабы поспешили их запереть. Афросиб правил к площади. Там Фароат увидел кучу хвороста с воткнутым в нее старым мечом: жители Ильмека готовились к войне и поставили Аресу кумир.

Остановившись у усадьбы Силака, Афросиб прошептал на ухо Фароату:

– Оставайся тут. Увидишь, хоть и страшна война, но аппетит у наших голодранцев вряд ли пропал от плохих новостей, – он глухо рассмеялся и увел своего коня к валу, где стояли дома воинов.

Учитель оказался прав. Всегда случалось то, о чем он говорил. Первой к возку подошла Ани.

– Апи была добра. Зерно возьмешь? – смотрела с улыбкой, все и так наперед зная.

Фароат погладил палку с зарубками и, стараясь говорить не быстро, ответил:

– Два медимна...

– Давай птицу, зерно отцу отдам.

Фароат улыбнулся и торопливо стал сбрасывать гусиные тушки на землю, не забывая поглядывать на свои руки, чтобы не ошибиться в счете. Закончив разгружать возок, пробурчал:

– Вот...

– Ну, помогай! – приказала Ани и сама подняла за шеи четыре тушки.

Фароат взял шесть птиц и пошел за прислужницей. Вошел в сарай. За плетеной, обмазанной глиной стеной на веревке сушились овечьи шкуры. В углу стояли мотыги, лопаты, рядом – бочка с водой и чурбан, покрытый засохшей кровью. Ани бросила птиц рядом. Фароат, поглядывая на занавешенный дерюгой вход в усадьбу, нехотя бросил свою ношу у чурбана.

– Хочешь посмотреть, как Силак живет? – Юноша кивнул. – Принесем птиц, увидишь, – пообещала Ани.

У возка пришлось задержаться. Фароата там уже ждали подмастерья и рабы ремесленников городка. Обменяв свою добычу, как советовал учитель, он посоветовал тем, кто желал получить еще дичи, дожждаться Афросиба.

Когда они вернулись в сарай, Ани, отодвинув занавеску, поманила Фароата.

– А где сам пазака¹⁸?

Страшно вдруг стало юноше войти в дом вождя.

– Не бойся, как только он узнал, что враги бродят у города, уехал в лес прятаться. Хазии ведь в Ильмеке нет...

– А-а... – только и смог вымолвить Фароат.

Мысли тут же заметались, путая и без того уставшую от счета и торговли голову.

«Разве может вождь так поступить? А кто поведет жителей Ильмека на врагов, если Хазия не вернется, кто соберет бала?»

Высокие стены в доме вождя были увешаны конской сбруей, щитами. Десяток копий подпирал их, а над большим деревянным эллинским стулом висел меч в ножнах. Зачарованный Фароат встал перед ним. И так юноше хотелось взять его в руки, что он не услышал, как за стенами усадьбы закричали женщины, заплакали дети, только страсть звенела в его ушах, стучала в висках кровь. Как долго он простоял у стены, любясь оружием, спроси кто, Фароат не ответил бы. Наваждение слетело от толчка в спину. Он обернулся и увидел встревоженную чем-то Ани. Она протягивала ему кожаный панцирь-куртку с нашитыми бронзовыми чешуйками и шлем. Доспех тот носить мог только умудренный в битвах воин или вождь, вроде Силака. Увидев в руках прислужницы такое сокровище, Фароат только и смог, что открыть от восхищения рот.

¹⁸ *Pathaka* – вождь (словарь В. И. Абаева).

– Фароат! Не стой! Надевай его скорее! Меланхлены у ворот! – кричала Ани, и Фароат начал понимать, зачем она суёт ему броню.

Он наклонился и протянул руки, Ани через голову помогла надеть панцирь и сноровисто стала затягивать боковую шнуровку. Поправив наплечники, указала взглядом на стену. Фароат, ошалевший от свалившегося вдруг счастья, метнулся к мечу и, сорвав его со стены, думал только об одном, как оставить оружие и панцирь у себя после сражения. Пояс с акинаком и горит остались в возке, шлем молодой воин на голову нахлобучил, а что делать с мечом, все не мог сообразить. Ани в отчаянии заламывала руки не долго. Юркнула змейкой к открытому сундуку и выудила оттуда боевую портупею, вернулась к Фароату и помогла правильно, через левое плечо, облачиться в нее. Ножны Фароат прицепил сам.

Запахло дымом. Наконец юноша осознал, что враги, быть может, уже ворвались в город. Схватив первый попавшийся щит и копье, он устремился к возку. Там он встретился с Алишей. Увидев его, она бросилась навстречу, обняла за шею и зашептала, касаясь сухими губами мочки уха:

– Они подожгли ворота. На валу почти не осталось защитников. Ты не сможешь помочь им, бежим!

Сама она к побегу из обреченного городка подготовилась. На Алише был надет кожаный плащ и через плечо – чем-то набитая сума.

Мгновение назад Фароат был готов сражаться и умереть,

хотя, по правде, о смерти юноша не думал. Услышав любимую, утонувший в неге от ее объятий, он совсем утратил волю принимать самостоятельные решения. Подпоясавшись, взяв с возка суму с обновками и горит, механически повесил их на плечо, подобрал упавший на землю щит и оглянулся. Встретился с осуждающим взглядом Ани и устыдился того, что намеревался совершить, вспомнил об отце и Афросибе, сражающихся сейчас с врагами. В то же мгновение маленькая стрелка упала сверху, ударив прислужницу в ключицу. Она беззвучно упала, а Алиша закричала прямо в ухо: – Бежим!

Еще несколько стрел воткнулись в землю рядом. Алиша побежала от ворот к круче, за которой внизу тек ручей, заросший камышом. Фароат, поудобнее перехватив щит, стал догонять девушку. Спускались уже вместе, осторожно, и побег им почти удался. До полоски камыша оставалось несколько шагов, как в голову Фароату ударил выпущенный из пращи камень. Юноша рухнул как подкошенный. Алиша увидела вверху, на горе, довольного метким броском воина и улыбнулась улыбкой зверя, когда тот упал, сраженный стрелой, угодившей в шею.

Схватив Фароата за наплечники, потащила его в заросли. Сил хватило, только чтобы скрыться от случайного взгляда. Девушка понимала, что если захватчики начнут искать, то обязательно их найдут. Вернулась за копьем и щитом. Решила, что будет защищать любимого, если их вдруг обнаружат.

Крики женщин вскоре стихли. Над городком пронеслись гортанные, мужские голоса, кто-то запел, кто-то закричал в последний раз. Мычали коровы, жалобно блеяли овцы...

Только Алиша решила, что боги на их стороне, и даже оттащила метра на два вглубь камышей бесчувственного юношу, как увидела беспечно шагающих по натоптанной к водопою тропе воинов. Они вели на поводу коней, серые до колен рубахи на них были испачканы сажей, из оружия при меланхленах были только короткие акинаки на поясах. Схватив покрепче древко копья, она побежала на врагов. Те остановились, на бородатых лицах появились улыбки. Алиша попыталась ударить одного из воинов, но расслабленно стоящая цель вдруг исчезла, копьё чудесным образом вылетело из девичьих рук, а удар под колени сзади заставил ее упасть.

Расширенными от ужаса глазами она смотрела, как мужчины задирают рубахи и развязывают веревки, поддерживающие штаны. Когда увидела их вздыбленные мазамука, перестала дышать, и солнце, почти закатившееся, погасло совсем.

* * *

Алиша почувствовала щекотку: какое-то насекомое ползло по щеке. Сознанием она скользнула к своей, еще не знавшей мужчины хурма, удивляясь, почему не чувствует боли? Открыла глаза и увидела стоящего над собой Фароата. С об-

наженного карта в тот момент упала на травинку капелька крови, крылья носа юноши трепетали, а глаза... Они стали другими, и взгляд... Фароат смотрел с любопытством, как раньше смотрели на нее незнакомцы. Девушка села и увидела обезглавленные тела меланхленов. Тут же она забыла о странном взгляде любимого и зашептала:

– Фароат, я всегда знала, что ты воин-ама!

Юноша вытер о рубаху одного из убитых меч и вложил его в ножны. Протянул Алише руку и сказал:

– Не такой я могучий, как ты считаешь, пацан еще...

Девушка, схватив узкую ладонь, почувствовала, как крепко он сжал ее кисть, восхитилась, как легко ей удалось встать на ноги. Странное, непонятное слово «пацан» она сочла особым, что использовали в общении между собой только мужчины, поэтому не удивилась.

Со стороны Ильмека донеслось конское ржание, лошади меланхленов, до этого спокойно пощипывавшие травку, подняли головы и наострили уши. Черный жеребец с белым пятном на лбу всхрапнул, и Алиша едва успела накрыть ладошкой ему ноздри, не дав заржать. Восхищаясь Фароатом, она совсем забыла об опасности, по-прежнему грозящей обрушиться на них.

– Фароат, бери второго коня, бежим! – прокричала девушка, прыгая на спину жеребца.

Юноша стоял и смотрел на лихую наездницу. Она, доскавав до линии камыша, легко соскочила на землю и, подобрав

что-то в зарослях, вернулась к коню. Оказавшись на его спине, призывно махнула рукой и ускакала по балке, прочь от дымящегося на горе города.

Фароат подобрал копые, подойдя к рыжему, с густой гривой коню, с легкостью взлетел на его спину. Пробормотал: «Хороший навык у мальчика...» – и дав шенкеля, поскакал за девушкой.

Глава 4

Если судьба предназначала всегда держаться теневой стороны улицы, по которой искрится, струится яркими красками, только на другом, щедро залитом солнцем тротуаре жизнь, все, что можно увидеть там, начинает казаться чем-то нереальным и призрачным, как мираж. А если сам волею случая попадаешь на светлую сторону улицы, то ощущаешь приступ тревоги: случилось что-то неладное, и ты уже сам не свой – то ли в бреду, то ли вот-вот покатишься под откос. Вот почему подвал с его прохладой, мрачными стенами возвращает мне успокаивающее чувство реальности. Все находится на своем месте, и пистолет «Вальтер» приятно холодит ладонь.

Для кого-то война давно окончилась, а для меня, молодого лейтенанта ГРУ, все только начиналось. Секретная база в Чимганских горах, где нет ни сосен, ни влажных альпийских лугов, ни лесной зелени с прохладной, изумрудной тенью. Под ослепительным солнцем местность вокруг белая и пустынная. В складках каменистого плато едва заметно вырисовываются массивы бетонных бункеров, над обрывами бдят слепые черные глаза замаскированных в защитный цвет укреплений, вдали поблескивают обращенные к небесному своду металлические уши радарных установок. Таким запомнился мне пейзаж, пустынный и тревожный, тонуший

в тишине и безмолвии, в напряженном бодрствовании и выжидании, которое в какую-то долю секунды готово обратиться в оглушительный взрыв войны. Это мой пейзаж – теневая сторона жизни!

Поезд, грохоча по рельсам, решительно неся, вычерчивая широкие дуги на поворотах. Потом был перелет пассажиром на истребителе Як-25, автомобильное путешествие в Мюнхен – и наконец-то я получил свое первое задание! Насколько рискованно мое задание, узнаю на месте. Что касается трудностей, то многие из них уже сейчас легко предвидеть. Они исходят из самого условия задачи, весьма неполного, чтобы гарантировать ее решение.

Охрипенко Петр, тридцать восемь лет, разведенный, гражданин ФРГ, бежал из Польши во время отступления немцев в тысяча девятьсот сорок четвертом году. Данные Центра подтверждают, что вплоть до сорок девятого года Охрипенко был весьма заметной фигурой в политическом руководстве эмиграции. Однако в марте был уличен в махинациях с деньгами спонсоров и смещен с должности. После того как были наведены дополнительные справки,

Центр пришел к следующему заключению: во-первых, Охрипенко, недовольный своим понижением или встревоженный дальнейшим неблагоприятным для него развитием событий, действительно решил покинуть ФРГ; во-вторых, принимая во внимание то обстоятельство, что у Охрипенко были довольно широкие связи, можно не сомневаться, что

он действительно располагает ценными секретными данными, которые он готов передать ЦРУ, чтобы обеспечить себе безбедное существование на новом месте. Мне надлежало действовать по обстановке: завладеть секретной информацией или сорвать ее передачу агенту американской разведки.

Существовала вероятность осложнений. Проживающие в ФРГ эмигранты могли пронюхать, что готовится необычная сделка, и возможно, что сами готовят ликвидацию Охрипенко. Но даже если это в самом деле так, я обязан установить истину, засвидетельствовать смерть ренегата и подтвердить, что бумаги не ушли в ЦРУ. Действовать мне предстояло в одиночку. Ни в коем случае я не имел права прибегать к чьей-либо помощи, будь то дипломатическая миссия в Мюнхене либо торговое представительство. Это написано черным по белому в условиях задачи и подчеркнуто двойной чертой.

Прохлада подвала сменилась тяжелым городским жаром, поднимающимся от раскаленного асфальта. В трепещущей от зноя дали

Максимилианштрассе я увидел Охрипенко. Он шел навстречу уверенной походкой спешащего по делам человека. Я остановился, чтобы справиться с адреналиновым шоком. Мое сердце колотилось в груди, как боек отбойного молотка. Вдруг припаркованный у обочины черный «мерседес» лихо тронулся с места, огласив безлюдную в это время улицу визгом шин, и сшиб хромированным бампером Охрипенко. Его

тело несколько раз перевернулось в воздухе и упало на тротуар к фундаменту заново отстроенного дома, почему-то выкрашенного, как и соседние новостройки, в серый цвет. Во время войны центр города был полностью разрушен. Правда, сейчас в это мало верится, как и в то, что изуродованное ударом тело моего клиента теперь лежит метрах в ста от меня.

Я едва сдерживался, чтобы не бежать, но, наверное, шел к месту трагедии быстрее, чем нужно, чтобы не привлекать к себе внимание. Я видел валяющийся на тротуаре труп человека с еще конвульсивно вздрагивающими сломанными ногами и разбитой головой. Взгляд шарил по телу и вокруг него в поисках папки или портфеля. Черт! Черт! Рядом с трупом ничего похожего на хранилище секретных данных я так и не обнаружил.

Мне осталось выполнить вторую часть приказа. Рисковали ли я? Теперь знаю наверняка – да. Тогда я достал из кармана пистолет и выстрелил Охрипенко в голову. Тут же услышал второй выстрел и почувствовал удар в затылок...

Вначале я погрузился в мир запахов. Пахло потом, пылью и еще чем-то страстно желаемым для моего тела. Меня тащили куда-то. Кто-то при этом натужно сопел в ухо. Именно на его горячее дыхание столь необычным образом реагировало мое тело. Женщина?!

Глаза открывать не хотелось, боль, пульсирующая в затылке, давила на веки. И все же я сделал над собой усилие и увидел закатное небо, колышущуюся вокруг осоку и камыш.

Того, кто притащил меня сюда, рядом не было. Назойливо жужжащий слепень сел на щеку. Смахнув жаждущее крови насекомое, я попытался встать. И если поначалу давалось мне это с трудом, то, едва увидев двух оборванцев, насилующих какую-то девку, я с легкостью вскочил на ноги. Рука потянулась к поясу, и как-то совсем неожиданно я обнаружил, что держу меч. Шаг, второй... Насильники были увлечены созерцанием жертвы, почему-то смеялись, и я смог подобраться к ним незамеченным, и снова тело совершило то, чего я бы не стал делать: вырубить двух мелких мужичков для меня было левым делом, но почему-то вместо этого я мечом снес им головы. Умело. Вжик и вжик, пропел меч в воздухе, и оба обезглавленных тела рухнули к моим ногам, заставив отступить, чтобы кровь, выталкиваемая последними ударами сердец, не залила ноги.

Девицу тронуть они не успели. Один я где-то там, мысленно, как учили в контрразведке, блокировал восприятие, чтобы сохранить свое рации, а второй во мне с интересом рассматривал красавицу. Тоже мелкая, но фигуристая и молодая, почти девочка, решил бы, глядя на прелестное личико с небольшим носиком и полными губами, но тяжелая, налитая грудь, аппетитно натянувшая ткань ее одежды, хоть и лежала жертва насильников на спине, свидетельствовала, что молодка в самом соку.

Взгляд, немного задержавшись на ней, соскользнул на мои руки. Мои?! Руки оказались чужими! Жилистыми, с малень-

кими ладошками... Так вот, значит, что случается, когда пуля попадает в голову! Я вспомнил все до того момента, как прозвучал контрольный выстрел и будто еще один хлопок и удар...

Девушка открыла глаза, и я, как бы банально это ни прозвучало, утонул в них, погрузился в теплую зеленую воду, испытывая щенячий восторг.

– Фароат, я всегда знала, что ты воин-ама! – сказала она и улыбнулась, показав ровный ряд белоснежных зубов.

Первый во мне удивился, что понял услышанное. Второй – гордец, протянул красавице руку и ответил:

– Не такой я могучий, как ты считаешь, пацан еще...

Прикосновение холодной шершавой ладошки снова бросило сердце в трепет. «Что же со мной происходит?!» – подумалось, а девчонка, поднявшись на ноги, уже командовала:

– Фароат, бери второго коня, бежим!

Черный жеребец храпел, вздрагивал, но малявке как-то удалось его успокоить, вскочив на него, она в мгновение ока оказалась в зарослях камыша и осоки. Пушинкой слетела на землю, подобрала там какой-то мешок и, снова оказавшись верхом, пустила коня галопом по балке.

И тут воют... Я посмотрел на горящий поселок, откуда доносились неразборчивый людской говор, блеяние овец и ржание лошадей, и пошел к рыжему гривастому коню, объедающему лещину. Чехол для лука и стрел болтался на спине и терся о какую-то холщовую сумку. На кой он мне? Ни-

когда лука в руках не держал. . . На коне сидел последний раз лет пять назад, поэтому сомневался, что смогу так лихо, как это сделала девчонка, скакать. Однако тело легко взлетело на спину коню, и я что-то определенно сделал еще, оставшееся неуловимым для сознания первого, отчего животное сорвалась в галоп. «Хороший навык у мальчика, не пропадем!»

Балка тянулась вдаль и заканчивалась где-то у леса, темнеющего вдали. Слева стояла стена камыша, а справа высилась поросшая высокой травой и кустарником круча. Заметив боковым зрением Алишу, стоящую у входа в лесистый овражек и державшую своего жеребца на поводу, едва успел остановить своего коня.

«Алиша?!.. бушки-воробушки – я ее знаю! То есть как-то теперь знаю... Дочь Артаза!»

От взорвавшейся в голове мешанины из образов, эмоций и воспоминаний, которые никак не могли быть моими, я едва не свалился с коня. И первые шаги, когда спешил, дались с трудом. Зато на душе как-то стало легче, и в голове прояснилось, боль в затылке притупилась, и настроение поднялось от того, что никто и ничто теперь не помешает мне быть с Алишой.

Черт! Черт! Прости господи! Этот малой своей хотелкой с ума меня сводит! Я прислушался к себе и не обнаружил того Фароата, который хоть как-то мог сосуществовать со мной в этом теле. Спрятался, щенок...

– Фароат, я знаю, где укрылся Силак! – призналась Али-

ша, когда я приблизился к ней на расстояние вытянутой руки. Тихо сказала, почти прошептала и смотрела с вопросом, ждала, что я решу, хотя по моей логике могла бы и намекнуть, что сама думает: ехать к барину местному или искать воинов балы Хазии.

К барину мне не хотелось, помнилось, что малой у того в доме прибрахлился и панцирем и шлемом, так мешавшим мне во время скачки, и мечом, а расставаться с такими нужными вещами, когда война вокруг, стал бы только глупец. Опять-таки и бронька и меч вещи статусные, а не только полезные!

– Трус он, Силак... Лучше нам Хазию и воинов Ильмека поискать, – как ни старался я придать голосу мужской твердости, а не вышло. Борясь со смущением, возникшим вдруг, с трудом добавил: – Верно я говорю?

Алиша ответила сразу:

– Где его теперь искать, Хазию твоего, и воинов?...

Голос ее звучал с разочарованием. «Неужто к упырю Силаку хочет?»

Чертов малец, сидящий где-то глубоко внутри, все же как-то влиял на меня. Ну никогда я не был болтуном, а тут не удержался, и едва промелькнула мысль, тут же ее озвучил:

– Хочешь к Силаку?

Алиша задумалась, а на меня вдруг накатило какое-то невероятное блаженство. Воздух пах лесной сыростью и прелой листвой, грибами и покоем. В румяных облаках кружи-

ли волны летнего тепла. Я наслаждался тем, что грудь моя вздымалась, и дышал до темноты в глазах.

– У Силака сила... Воины с ним, – протяжно, мечтательно проворковала Алиша. – И меланхлены в лес не пойдут...

Я слушал ее и уже знал, что сейчас мне совершенно не хочется ни к Силаку, ни на поиски отряда Хазии. Скоро стемнеет, и лучшее решение – подготовиться к ночевке в лесу, раз уж кочевники в лес не сунутся. «Мы пойдем другим путем!» – вдруг родилась мысль. Память Фароата подкинула знания о Гелоне.

Скорее нам надо туда, в огромный, хорошо укрепленный город!

– Утро вечера мудренее, – изрек я и наслаждался ставшими вдруг бездонными, огромными зелеными озерами – глазами Алиши.

* * *

Стреноженные кони отхрустели злаками (Алиша нацепила им на шею мешочки с зерном) и обгрызали листья с веток дубков. Напоили мы животных из ручья прежде, чем ушли в лес. Хорошо им, а у меня кишки играют марш, и донимает злобное комарье, хоть котелок, гордо именуемый шлемом, с головы не снимай. Сама Алиша, достав из своих баулов длинный нож, ушла в лес. Я насобирав хворост, притащил пару сухих стволов погибших от грибов-паразитов деревьев,

нашел птичье гнездо, чтобы использовать его в качестве трута, а девушки все не было. У такой хозяйственной подруги наверняка имеется кресало, тешил себя надеждой.

Когда увидел ее волокущую огромную охапку тонких березовых веток, решил помочь, а заодно о кресале расспросить. Есть ли оно у нее? Спросил... Алиша как-то недобро зыркнула, а потом словно дитю стала втолковывать:

– Хоть и воин ты, и готова быть с тобой я нежной, но иногда терпеть мне трудно: подумай сам, враги рядом. А что если они огонь заметят?

Фу-ух... Всего-то?

– Я сделаю все так, что огонь они не заметят, а дым ночью станет невидим. Не переживай, давай кресало!

Ее глаза не оставляли мне шанса доказать, что я действительно смогу так сделать, но вдруг что-то изменилось в них, и Алиша пошла к своему мешку. Покопавшись в нем, принесла кресало – простая бронзовая ручка с двумя колечками имела железную кромку и небольшой кремень. Вручила их мне и принялась раскладывать на земле березовые ветки.

Достав из ножен, болтающихся на бедре, свой кинжал, я стал рыть им ямку прямо у подстилки, что готовила девушка. Земля копалась легко, и, углубившись на полметра, я решил, что этих усилий достаточно, чтобы огонек не был замечен, а глубокой ночью и меланхлены будут спать где-нибудь в степи или захваченном ими Ильмеке. Тогда и подготовленные деревца можно запалить. И тут я вспомнил недоверие

во взгляде Алиши. Смирившись с задачей, стал копать дальше и бросил это занятие, когда вырыл прямоугольную ямку глубиной под метр и в длину метра полтора. А когда разжег в ней костер, удостоился и ласкового взгляда, и теплых слов.

– Всегда знала, что ты самый лучший из мужчин в Ильмеке!

Хотел спросить, почему только из мужчин Ильмека? Но решил, что на сегодня вопросов хватит. Тем более что Алиша сунула мне в руки лепешку и кусок сухого сыра. Рот сразу же наполнился слюной, и грязные руки не стали еще помехой.

Перекусив, я сунул подгнившие стволы в костерок, и мы улеглись на пахнущую свежими листиками подстилку. Алиша, устроив головку на моем плече, тут же уснула, а я, вдыхая терпкий запах ее волос, думал, что не будь я сейчас грязен и вонюч, показал бы ей, какой я на самом деле мужчина! Созерцая подмигивающие сквозь высокие кроны звезды, я не заметил, как погрузился в глубокий, без сновидений сон.

Глава 5

Проснулся я затемно. Лес еще дремал в тишине, подлесок купался в безмолвном тумане, лишь изредка всхрапывали кони. Угли в яме еще играли огненными сполохами. Дрожь от утреннего холода, погрел над кострищем грязные руки, неухоженные, с длинными пальцами и обгрызенными ногтями на них, и отправился за неподвижный дубок. Когда вернулся, Алиши на месте нашей ночевки не заметил, но и не встревожился: знал, что обычно все люди по утрам делают...

Хрустнула ветка, резкий звук отозвался во мне волною страха, заставил схватиться за меч. Из тумана выплыла Алиша. Увидев меня с мечом в руке, рассмеялась:

– Ай да Фароат! – остановилась, закрыла в задумчивости глаза и, видимо придя к какому-то решению, кивнула. – Это хорошо. Воин всегда должен быть готов сражаться!

«Будь готов! Всегда готов!» – вспомнил девиз из своего пионерского детства. Злость на самоволие моего нового тела еще бушевала в груди. Нас учили абсолютному эмоциональному контролю. Рефлексы, конечно, нарабатывались, но и включались они по команде, когда приходил подходящий для действия момент. С другой стороны, навык верховой езды у щенка оказался полезным. Может, не стоит так себя корить?...

Пока я размышлял, Алиша не сдвинулась с места. Девуш-

ка пристально смотрела на меня, и все, что она думала, было написано на ее лице. Глаза метали молнии, пухлые губки сжались в тонкую полоску, ее пальцы теребили кончик толстой косы. Наверное, мое недовольство как-то проявилось, мимически выразилось, и подруга решила, что сержусь от ее слов. Я улыбнулся, посмотрел на нее ласково и, как сумел, проворковал:

– Какая же ты красивая!

Вложил меч в ножны и, как, наверное, делал Фароат, опустил робко, будто в смущении глаза. Подействовало!

– Правда? – расцвела улыбкой Алиша.

– Больше, чем правда! Когда смотрю на тебя, дышать не могу, – самозабвенно стал врать или почти, наслаждаясь эффектом от произнесенных слов. Лицо ее залила краска смущения. Мне вспомнились слова преподавателя актерского мастерства для разведчиков: «Способность краснеть – мечта любого актера. Актеры могут вызвать любые эмоции, но вот искусственно покраснеть не может никто. Можно, конечно, надуться, сыграть гневливость, исполнить ужас мимикой лица, вибрацией голоса, дрожанием рук и, таким образом, вызвать покраснение лица, но в этом будет одна наигранность и неестественность. Покраснение – это неуправляемая энергия, это свидетельство чистоты, или она есть, или ее нет».

– Какой ты... – прошептала в ответ. – Хочешь вина?

Хоть пить с утра для меня в прошлой жизни было неприемлемым, но тут я решил согласиться, чтобы как-то снять

возникшее между нами напряжение. Кивнул и выговорил:

– Давай!

– А ты уже пробовал? – поинтересовалась Алиша так, будто удивлена моим мгновенным согласием.

Память Фароата услужливо подкинула воспоминание из недавних событий жизни юноши. Врать не пришлось, хотя в прошлой жизни выпивал, и не раз.

– Меня ведь уже приняли в балу...

Бросив заинтересованный взгляд, она направилась к своему мешку. Достав оттуда кожаный бурдюк литра на два, вытащила зубами пробку и протянула его мне.

– Расскажешь, как это было?

Прислушался к себе и тут же понял, что Фароат уже давно, будь такая возможность, рассказал бы ей все.

– Потом, – буркнул в ответ, сокрушаясь, что воскрес в таком ничтожестве, и сделал большой глоток...

Пойло! Кислятина, воняющая чем-то пока для меня неопределимым. Стараясь держать лицо непроницаемым, вернул девушке бурдюк.

– Это хорошо, что ты не пьешь, как твой отец или мой...

Взгляд ее погрузнел. Наверное, вспомнила о своем отце. Так жив он! Артаз на хорошем счету в бале Хазии...

Мне не хотелось говорить о «своем» родителе. Знал, что Фароат был привязан к отцу, чувствовал это. Едва Алиша напомнила о нем, как на глаза навернулись слезы, и я едва справился с тяжелыми эмоциями, нежданно сдавившими

грудь. Стараясь придать голосу беспечность, бросил:

– Нужно лошадей напоить и определиться, что делать будем потом.

Девушка промолчала в ответ, завозилась со своим мешком. А молчание понимают как знак согласия. Я, повесив на плечо горит и суму, надел шлем, подошел к коню и снял с него путы. Вставил в рот жеребца трензель и, держась за повод, ждал, пока Алиша распутает своего красавца. «Выбрала же себе коня! Не хуже чем у Хазии!»

Вот сейчас чьи это мысли были? Стоит мне на мгновение ослабить внимание, как тут же становлюсь Фароатом! Где был он, когда копье и щит оставил у поверженных врагов?! Знал же, паршивец, как высоко ценится оружие! Эх... Наверняка кто-то прибрал бесхозное сокровище...

Небо уже играло яркими красками, восходящее солнце искрилось в выпавшей росе, щебетали ранние пташки. Мы рысили, петляя между деревьями, двигаясь к водоносной балке. Что знал я о жизни людей в этом новом, другом, необычном мире? Наверное, то, о чем был осведомлен Фароат. А как мне видится, парень нюхал в своей жизни немного. Для него самого познание жизни только началось! Великая Скифия, сколоты, меланхлены, будины, элины, припонтийские полисы, Гелон – для меня все это ровным счетом ничего не значило. Вспоминались только строки из прошлой жизни:

Да, скифы мы! Да – азиаты мы,

С раскосыми и жадными очами!

Фантазер тот поэт. Глаза у Алиши красивые, как у писанных русских красавиц. И если сам я теперь смугл от загара, то ее щеки оставались белыми и румяными, а на носике, ближе к переносице, даже веснушки выскочили... Мелковат местный народец, правда. Зато сам я высок по местным меркам. Мать Фароата Лабри будто воительницей была из какого-то сармийского рода. И стать свою парень унаследовал не от отца, скорее от матери.

Что делать мне теперь? Всегда, сколько помню себя, любил учиться. Деревенская школа, в которой получил свои первые знания, сгорела в сорок втором году. А немец, ставший на постой в нашем доме, не хотел, чтобы обращались к нему «герр лейтенант». Требовал названия по имени и отчеству – Фридрихом Адольфовичем. О себе он ничего никогда не рассказывал, но сам я решил, что работал он до войны учителем. Понравился я ему, он сам говорил это не раз, способным меня считал и учил немецкому языку, физике и математике. Если с последними дисциплинами я был не дружен, то язык схватывал на лету. К сорок третьему, когда попал в партизанский отряд, уже свободно шпребал, и только поэтому, на зависть взрослым ребятам, стал отрядным разведчиком. Не сам, конечно, в рейды ходил, но повоевать успел и даже медаль «За отвагу» заслужил. А когда война закончилась, определили меня как сироту и сына пол-

ка в разведшколу. Служить Родине я хотел и всю свою жизнь этому учился. Тут нет страны, и служить некому. Силаку-барину или какому-нибудь другому буржую?! Нет, буржуи тут пока не развелись, а вот феодалов сколько угодно...

Погруженный в мысли, я не заметил, как мы вышли к балке. Алиша остановила своего жеребца еще в овраге, а мой рыжик, шедший следом, остановился сам. Оказавшись на земле, еще не в полной мере отрешился от дум и механически извлек из горита лук, тетиву и с помощью ног легко согнул деревяшку, инкрустированную костяными пластинами, ловкие пальцы нацепили петельку на отполированный добела кончик плеча.

«...воробушки! Оказывается, так тетива надевается!» – подумал и вспомнил, как метко Фароат умеет стрелять. Главное, не мешать парню, когда придет время делать это...

Балочка оказалась девственной от людей, но снимать тетиву я не стал: день впереди, мало ли что...

Журчал быстрый родниковый ручей, прозрачный и холодный как лед, бегущий в камыше под тенью одинокого серебристого тальника и осиновых зеленых кустов, из которых со всех сторон неслись соловьиные песни. Алиша повела коней на водопой к мелкой, но широкой полоске воды, где течение почти замерло. А я, оставшись в одиночестве, быстро сбросил с себя одежду и, сдерживая вот-вот готовое вырваться «ух!», плескался в ручье, натирая тело глиной и песком. Оделся в обновки Фароата и почувствовал себя заню-

во родившимся. Штаны, куртка и чуваки приятно пахли кожей, рубаха – чистотой, а старую одежду – засаленное рванье, припрятал в камышах. Обломил веточку тальника и стал чистить ею ногти. За этим занятием меня и застала Алиша, вернувшаяся с водопоя. Сердце екнуло в ожидании упреков или какого-нибудь другого порицания, но ничего подобного не случилось. Девушка обошла меня вокруг, одобрительно поцокала языком, взяла за руку и стала рассматривать отмытые от грязи пальцы и ногти. Потом взглянула на свои руки, ойкнула и убежала. Около получаса я ее не видел...

Стреножил коней и пошел на прогулку вдоль ручья. В чистой воде рассмотрел едва шевелящихся плавниками щурят, но поймать их руками не удалось. Зато когда спугнул пяток уток в камышах, Фароат во мне не сплеховал: выхватил лук, наложил стрелу и первым же выстрелом подбил зеленошеего селезня. Радовались от всей души мы оба...

* * *

Идем рысью по тракту к Гелону. Вокруг – ни души, только иволги снуют туда-сюда, пролетая над высушенной и вытопанной сотнями ног землей. А справа и слева бескрайняя степь, поросшая густой высокой травой и белым ковылем. Переходили вброд две речушки, берега которых утопали в березняках, осинниках и густой уреме из черемухи и чернотала. Местами тракт врезался в глубокие балки, заросшие

тучной травой с бесчисленным множеством цветов, над которыми возвышались зонтики душистой кашки.

Ехать в Гелон, после того как я признался, что броньку и меч Силак, скорее всего, отберет, мы выбрали единодушно. В Ильмек соваться остереглись, углубились в лес, который Фароат знал, как я учебный лагерь, и выскочили из него на тракт, по моим прикидкам, километрах в семи от городка. Солнце стояло высоко, и восточный ветерок, поднявшийся с утра, совсем утих. Жарило как в аду. Спасало, что по большей мере мы двигались рысью. Встречный воздушный поток хоть как-то освежал разгоряченные лица.

Поднялись на пригорок и внизу увидели десяток возков, движущихся к Гелону, и небольшой отряд всадников, сопровождавших повозки.

– Хэй! – воскликнула Алиша и пустила жеребца галопом. Пришлось и мне догонять безрассудную девчонку. Хотя, если подумать – права она: бегут путники, как и мы, за валы Гелона, спасаются от диких меланхленов.

Как выяснилось, присоединились мы к пахарям. Шесть семей, узнав о новом походе воинственных меланхленов, бросили свои наделы и, собрав все, что можно было увезти, решили отсидеться до уборки урожая в безопасном месте. Кое-кто из них еще помнил последний набег кочевников. Предводительствовал над беженцами мужичок с уже седеющей бородкой, назвавшийся Абаридом. Еще лет пятьдесят назад осевший на земле, сколот оставался воином, но сейчас

пахари разучились воевать, метко стрелять на скаку и ко мне – воину, хоть и молодому, отнеслись с уважением. И даже обрадовались, когда Алиша заявила, что дальше мы поедем с ними. Сам Абарид был уверен, что враги испугаются защитников Гелона и уйдут к Танаису, тому, что дан. Он намеревался успеть собрать урожай. Был уверен, что посевы кочевники не тронут.

Фароат знал, Танаис – река, а вот почему Абарид уточнил это, вызвало удивление. Я стал расспрашивать и выяснил, что эллины в устье реки заложили недавно одноименный городок – полис¹⁹. Как жаль, что неведома мне история ни греков, ни скифов! Вот и узнал бы, как далеко в прошлое закинула меня судьба...

Так за разговорами быстро летело время. Солнышко катилось к горизонту, и когда наш караван доехал к берегу речушки, скорее ручья, Абарид развернул возки к темному пятну рощи. А стали на ночевку тогда, когда лесок тот объехали, чтобы с тракта ни света костра, ни дыма путники или враги не увидели.

Пахари наполнили водой большой, литров на тридцать, бронзовый котел с узким, вытянутым донышком, которое они воткнули или зарыли (самого процесса я не видел, коня купал) в землю и развели вокруг костер. Селезень, добытый

¹⁹ Танаис основан в III в. до н. э. греками, выходцами из Боспорского царства, на правом берегу в прошлом основного рукава устья реки Танаис (сейчас – Дон) – Мертвого Донца, по имени которой город получил свое название.

с утра, был ободран, порублен на мелкие кусочки и брошен в закипающую воду. Туда же женщины пахарей высыпали небольшие кусочки вяленого мяса и зерно. Каша варилась долго, но показалась мне невероятно вкусной. Наверное, потому, что за весь день съел сухую лепешку, что выдала мне Алиша еще утром.

Взрываясь огоньками, трещали сучья в костре, повеселевший после нескольких глотков вина Абарид травил байки о былых битвах, в которых принимали участие его предки. Как оказалось, в предках у него был сам Геракл²⁰! О Геракле я слышал не раз и даже пару его подвигов помнил. Перебив старика, как так получилось, сам не понял, наверное, тоже от выпитой кислятины, стал пересказывать о чистке героем Авгиевых конюшен. У костра сиживали мы с Алишой, Абарид, трое его сыновей и женщина, с которой меня никто не знакомил. Все они слушали раскрыв рты. Не фигурально, а именно так и сидели с открытыми ртами. Особенно потешила мое самолюбие Алиша. Как она на меня смотрела! Сколько гордости было в ее взгляде, когда я закончил пересказывать прочитанный когда-то миф.

– Все слышали? Сам Геракл – отец всех сколотов, работал как простой пахарь! – пробасил Абарид.

Его сыновья закивали, а я, пользуясь моментом, задал во-

²⁰ Тут пример эллинизации скифов. Именно греки придумали, будто Геракл с женщиной-змеей зачал первого скифа. Сами сколоты рассказывали, что произошли от Таргитая – сына Зевса и дочери реки Борисфена.

прос, терзающий меня с утра:

– Скажи, Абарид, – заговорил я проникновенно и с уважением. – Как по-твоему, чем может заняться молодой воин, оставшийся по воле богов без отца и рода, чтобы и честь не уронить и прожить славно?

Абарид долго не размышлял. Расчесав пятерней бородку, приосанился, прищурил глаз и поделился своей житейской мудростью:

– Хороший воин проводит жизнь в походах, а когда силы оставляют его, он уже не может насладиться ни женой, ни детьми, которые к тому времени уже сами становятся воинами. Но воин – это всего лишь палец на руке, а бороду лучше чесать так, – он снова показал, как делает это сам. – Хорошему воину нужны верные соратники, которые пойдут с ним, если тот воин сможет их направить. Ведь каждой твари на этой земле нужен поводырь!

Хорошо сказал Абарид. Понял, что теперь для меня важнее всего. Знать бы еще, каким делом смогу заинтересовать таких же одиночек, как я сам? Приложив руку к сердцу, я склонил голову и ответил не сводящему с меня взгляда старику:

– Спасибо тебе, Абарид. Ты хорошо сказал, я понял!

Дедушка улыбнулся и снова заговорил:

– А я смотрю на тебя и гадаю, тот ли ты воин? Теперь вижу – тот! Возьми с собой моего младшего, Авасия. Коня, горит, акинак и копье я ему дам. Возьмешь?

После такого мудрого совета у меня даже намерения по-советоваться с Алишой не возникло.

– Это честь для меня! Ведь ты мне жизнь сына своего готов доверить! Возьму Авасия!

Все у костра обрадовались моим словам, молодые мужчины захлопали по ляжкам, а женщина улыбалась. Бросив мельком взгляд на Алишу, отметив, что горделивая осанка на месте и в глазах блеск вроде не злобный, расслабился. Хлебнул вина из бурдючка и передал его Абариду.

Эту ночь мы с Алишей провели в возке на душистом сене. Поцеловал Алишу в губы. На поцелуй она не ответила, но щеки ее запылали, а глаза загорелись необыкновенным блеском. Едва сунулся снова, почувствовал, как ее ладошки уперлись в плечи. Попробовал сломить сопротивление – не тут-то было: девушка уперлась. Ну и ладно, не в первый раз... Только собрался отвернуться от нее, как Алиша схватила меня за руку, сжала ее, посмотрела как-то странно, будто выбирая, хотя видел я лишь светлое пятно, очертания лица, но все чувствовал: и как бешено колотилось ее сердце, и горячее дыхание, а вот обжигающий поцелуй случился неожиданно. Целовались, пока не заныло в паху. Мои попытки получить чуть больше девушка твердо пресекала. Шептала на ухо, что нынче для этого плохое время...

Глава 6

eee

Будины – племя большое и многочисленное; все они светлоглазые и рыжие. В их области выстроен деревянный город; название этого города Гелон. Длина стены с каждой стороны – 30 стадиев; она высокая и целиком из дерева; и дома у них деревянные и храмы. Там есть храмы эллинских богов, украшенные по-эллински деревянными статуями, алтарями и наосами. И каждые три года они устраивают празднества в честь Диониса и впадают в вакхическое исступление. Ведь гелоны в древности – это эллины, которые покинули гавани и поселились у будинов. И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском.

Геродот

У стен Гелона былолюдно. Сотни подвод сучились напротив проезда через глубокий ров и ворота. Куда ни кинь взгляд, хоть вправо, а хоть и влево, я наблюдал высокие валы, над которыми тянулись до горизонта деревянные стены с башенками, а кое-где и просто вкопанные в землю заостренные колья.

Абарид поставил повозки в очередь и попрощался с сыном. Обнял и что-то прошептал на ухо.

Их попутчики стали одаривать молодого Авасия припаса-

ми. Когда на шеях наших коней гирляндами повисли переметные сумы, а все напутствия уже были сказаны, мы поскакали дальше, рассчитывая попасть в город беспрепятственно.

Подъехав к мосту, я рассмотрел, что деревянные стены на самом деле не были построены на валу, а служили опорой для верхней его ступени.

И возвышались над насыпью не намного, но укрыться за ними от стрел обороняющиеся воины смогли бы. За этим укрытием располагалась ровная, утоптанная земляная площадка для защитников укрепления, а за ней вал покато скатывался к уровню города. Сейчас воинов там я не заметил, но дерево стен несло на себе следы старых битв и потушенных пожаров.

Обгнав возок, возница которого безрезультатно понукал коня, не желающего ступать на зыбкий деревянный настил, мы проскочили к воротам и выехали за валы. Я ожидал, что там нас кто-нибудь остановит, но тех, кто это мог бы сделать, я так и не обнаружил. А за городскими укреплениями желтели поля, засеянные пшеницей, рожью и просом, зеленели сады и огороды, и лишь изредка взгляд замечал побеленные мазанки²¹ и деревянные срубы, покрытые соломой, – местные усадьбы. Двигаясь по натоптанной дороге, обгоняя пе-

²¹ Плетневые стены иногда обмазывались глиной и белились. Примером каркасной конструкции сложной постройки может служить жилище, обнаруженное в 1994 году в раскопе № 33 на Восточном укреплении Бельского городища. (Шрамко Б. А., 2003. С. 190–195).

ших беженцев и груженные возки, мы миновали окрестные хутора и дальше ехали мимо пастбищ, на которых паслись коровы, кони, овцы и свиньи. Пастбища охранялись: то тут, то там вдалеке я примечал всадников в высоких тиарах и голосистых собак, помогающих пастухам.

Продвигались мы на запад, неспешно, шагом к ярко-красному, падающему за горизонт солнцу. Несколько запачканных свиней, хрюкая, лакомились чем-то прямо у дороги. Весело кружились в небе и щебетали ласточки, рассыпались в воздухе песни жаворонков. Я вертел головой, удивляясь всему, что видел, и все никак не мог понять – что же это за город такой? Даже Ильмек из воспоминаний Фароата больше походил на городок, чем то, что я видел вокруг. Все чаще я бросал взгляды на Алишу и Авасия, пытаюсь понять, как они относятся к тому, что нас окружает, но мои попутчики оставались невозмутимыми, скорее всего не думая об этом, полагались, что я знаю, куда мы едем и зачем.

Мы поднялись на довольно крутой пригорок, на ровной поверхности которого стояло большое деревянное здание без стен. Вкопанные в землю столбы держали крышу, обмазанную побеленной глиной со следами красной краски по краям ската. Таким был местный храм. Внутри я рассмотрел жертвенники, деревянных идолов и тлеющие угли в жаровнях. Сейчас служителей в храме не было, но путники заходили туда, чтобы обратиться за помощью к богам. А внизу, метрах в двухстах, виднелась широкая полоса воды, на бере-

гу озера беженцы распрягали подводы и готовились к ночлегу. Налево от озера тянулась балка, в лучах заходящего солнца сверкая как стеклами вытянутыми озерцами, утопающими в зеленом камыше и березово-осиновой уреме. И там уже мерцали огоньки костров.

Когда мы спустились к воде, я обнаружил следы недавно сбывшей воды. Везде были приметны сухие прутья, солома, облепленная илом и землей, уже высохшая от солнца, висела ключьями на зеленых кустах. Стволы вязов и тальника высоко от корней были плотно как будто обмазаны тоже высохшим илом и песком. Тогда я удивился: как такое возможно посреди лета? Но вскоре получил ответ на невысказанный вопрос.

То, что у этого озера нужно и нам устраиваться на ночлег, я понимал. Мы медленно продвигались мимо повозок, снующих тудасюда людей и дымящих костров, пока я не услышал:

– Эй, воин, давай к нам! У нас костер уже пылает, и вином угостим...

Я обернулся на голос и увидел сидящих у костра четверых воинов. Хотя каких воинов! Может, только один из них был чуть старше Фароата. Он улыбался, показывая крупные, как зерна кукурузы, зубы, а его товарищи глаз не сводили с сумок на холках наших коней. Вся их одежда несла на себе следы бедности или долгого путешествия. У костра лежал на боку бронзовый котелок, а над ним роились голодные мухи.

Улыбнувшись парню в ответ, кивнул, слез с коня и отрекомендовался:

– Я – Фароат, сын Андарина, со мной Авасий и Алиша, а вы кто будете?

Угадал я правильно. Окликнул меня старший в той компании. Он же и ответил:

– Я – Лид, – парень указал на сидящего по правую от него руку, – это Мазий, а они братья – Олгасий и Олкаба. Давайте к нам, вместе лучше и сытнее! – Теперь заулыбались все, сидящие у костра.

Алиша спешила, сняла с коня свой мешок и, положив его у костра, направилась к котелку. Разогнав ногой мух, подхватила его за приклепанную ручку и пошла к воде. Мы с Авасием освободили от поклажи своих коней, и сын Аба-рида спросил меня:

– Пазака, дозвошь коней напоить?

Услышав, что юноша назвал меня вождем, сидящие у костра воины перестали улыбаться и даже смутились. Я кивнул Авасию и присел на щит, который лежал сверху наших сумок. Неспешно снял с плеча горит и, пользуясь моментом, решив дожать эту компанию на информацию, спросил:

– Вы как тут оказались без своего рода? – задал вопрос строго, хмурия брови.

Ответил Лид:

– Мы жили на высоком холме у дана там, – он указал рукой на север. – Зима была снежной, а весна дождливой. Отец

говорил, что если дожди не прекратятся, то меланхлены придут, как когда-то было. Наступило лето, а дожди все лили и лили. Сколоты умны и сеют на горе. Пшеница и просо от этих дождей только лучше растут, а луга в низинах превратились в болота, вот кочевники и пришли. Прав был отец. И было врагов больше, чем колосков в поле. Бала нашего пазаки сгорела в битве, как солома, только мы и спаслись.

Чтобы я проникся их горем, после рассказа Лид схватился ладонями за голову и стал раскачиваться из стороны в сторону. Словно в театре пантомимы, его товарищи присоединились к лидеру, подвывая при этом:

– Беда, беда...

– Что тут делать собирались? – поинтересовался я уже мягче.

– Лид говорил, что можно с караваном гелонов уйти в Ольвию. И сыты будем и при деле! – проинформировал меня Мазий и под строгим взглядом старшего товарища тут же стушевался, опустив глаза.

– Я говорил... Но вижу, что и ты путешествуешь всего с одним воином. Вместе веселее! Как думаешь, пазака?

«Умен этот Лид!» – подумал я, но его предложение как нельзя лучше согласовывалось с моими планами. Ведь прав был Абарид, говоря: «Каждой твари нужен поводырь!»

– Что умеете? Врага били? Какое оружие при вас?

Наверное, я задал хорошие вопросы. Ребята, услышав их, тут же сконфузились, а ответил мне все тот же Лид:

– Умеем бить из лука, как каждый сколот, и коней хороших взяли. Много их после той битвы осталось без хозяев. Врага сразить пока не довелось: стадо мы охраняли, а когда меланхлены как тьма нагрянули, убежали. Да кто бы не ускакал?! Ведь не бьются сколоты как эллины. Сила наша в коне и луке! А пока враги добычу делили, коней свели и оружие добыли, – он указал взглядом на пирамиду из дротиков, стоящую метрах в трех от костра, и щиты, прислоненные к их древкам.

Я, на миг задержавшись взглядом на оружии, обратил внимание на десяток лошадей, стреноженных и жующих соломой у огромного вяза.

– Ваши кони? – спросил.

– Наши, – ответил Лид, горделиво задрав подбородок. Какая-то хитринка мелькнула в его карих, больших глазах с длинными, как у девушки, ресницами.

– Вместе веселее! Так ты говорил? – пошутил я, и все мы, понимая, что договор состоялся, рассмеялись.

Вернулась Алиша, принесла наполненный водой котелок, и вся компания тут же приняла участие в его установке на огонь. Все-таки они его не закапывают...

Пока булькала, готовилась каша, ребята травили байки, пытаюсь произвести впечатление на Алишу, а может, и на меня. Фароат давно спрятался в глубинах подсознания, а я пока не знал, что в этом мире обычно, а что – нет. Внимательно слушал, пытаюсь понять, что каждый из них собой

представляет. Первое впечатление было хорошим: молодые воины мне нравились. Не чувствовал я в них фальши, разве что Лид был непрост, но скорее умен, чем изворотлив.

Когда Алиша заявила, что я – ама, сразивший своим мечом двух врагов, уважение во взглядах ребят мне польстило. Одно дело – встретить с должным уважением по одежке, которая у меня, к слову, богата по местным меркам, совсем другое – признать своим вожаком умелого воина. «Ай да Алиша! Настоящая женщина!»

Я старался не смотреть на подругу, но дал себе слово, что при первой же возможности найду способ ее порадовать.

Привел с водопоя наших коней Авасий, и, вооружившись ложками, мы принялись хлебать наваристую кашу из каких-то бобов. Быстро темнело, и нас стали донимать комары. За всю свою жизнь я не видел их в таком количестве, да еще и мошка с ними поднялась роями, забивалась в рот, нос и глаза. Под конец ужина комары буквально одолели нас, и я стал паниковать, сожалея, что остановился на ночлег у озера со стоячей водой. Сносил эту муку потому, что терпели остальные ребята. Как-то не хотелось терять перед ними лицо. Хотя, похоже, все мы уже потеряли от комариных укусов свои лица. Когда мне стало совсем невмоготу, Лид, оторвавшись от котелка, сытно рыгнул, отошел на минутку от костра и вернулся с холщовыми мешками. Натянув их на головы, мы тут же у кострища повалились спать.

Сколько длился мой сон, не скажу, но подскочил я, как по

сигналу, когда услышал конское ржание. Сдернув с головы мешок, заметил мечущиеся смутные тени у дерева, там, где ночевали наши кони.

– Тревога! – заорал я.

Может, мое предупреждение на языке сколотов звучало как-то иначе, но спросонья кричал я именно так. Когда сони стянули с голов мешки, воришек и след простыл. Но Лид, побродив у коней, признал, что плохие люди действительно намеревались оставить нас без лошадей.

– Что делать будем, пазака?! – спросил он.

– Спать будем по очереди. Первым дежурю я...

* * *

Луна трепетала в черной воде там, где расходились круги от гуляющей рыбы. Подул ветерок и слабо зашелестел в осоке, где-то далеко заржала лошадь и залаяли собаки. Куда ни кинь взгляд, дрожали огоньки костров, сотни людей, бегущих от войны, искали спасения тут, за валами Гелона. Стараясь не смотреть на огонь, я размышлял: «Что они будут делать завтра? Станут ли защищать те стены, что так внимательно я разглядывал недавно? Что завтра стану делать я? Может, прав Лид? Найду купца, наймемся к нему в охрану. Только не за еду! Обломится буржую такая наша служба!..бушки-воробушки, а просить-то у него за службу что?!»

Терзание памяти Фароата особых результатов не дало.

Деньги в этом мире имелись. И золотые, и серебряные, и медные, и из бронзы, только в руках их держал мало кто. Меняли в основном одни товары на другие, как Фароат добытых на охоте гусей. Озадачив себя как-нибудь поскорее разобраться с эллинскими деньгами, я разбудил Авасия и с чувством хорошо выполненного дела уснул.

Глава 7

Разбудила меня Алиша: она нежно поглаживала мою руку и шептала: «Фароат, проснись...»

Стянув с головы мешок, тут же закрыл глаза, прячась от яркого солнечного света. Услышав смех девушки, решился снова взглянуть на мир вокруг. У костра, помешивая в котелке варево, сидел на корточках Мазий, все остальные ребята спали на земле в самых живописных позах, посапывая и похрюкивая.

– Пазака, прости, что разбудила, – проворковала девушка, а я после ее просьбы о прощении почему-то напрягся, приготовился услышать что-то неприятное. – Кому-то нужно отвести лошадей на водопой, – сказала она как ни в чем не бывало, продолжая перебирать сумки с запасами.

«Фу-ух, всего-то!»

– Буди всех! – махнул рукой и сладко потянулся.

Алиша завязала горловину очередной сумки, поднялась и, подойдя к спящим воинам, громко заголосила: «Бану! Бану!»

А понял я ее крик как «свет» или «день»²². Иногда так происходило: в разговоре будто все естественно понималось, а случись услышать одно непонятное слово, как тут же вклю-

²² *Banu* – свет, день (словарь В. И. Абаева).

чался внутренний переводчик.

Ребята вскочили, едва стянули с голов мешки, как уже я закричал:

– Становись!

Они не поняли, чего я от них хочу, ведь и так стояли... Пришлось объяснить, что услышав эту команду от вождя, воины должны стать особым образом, так, как требуют обстоятельства. А сейчас можно стать всем вместе плечо к плечу. И Мазия пригласил присоединиться к ребятам.

В разведке плохому не научат. А учили меня, что командир, а тем более разведчик, должен особым образом формировать у рядового состава рефлекс на подчинение и безусловное исполнение команд. Солдат, рядовой должен как можно чаще слышать от командира приказы и привыкать исполнять их точно и в срок. Вот я и решил последовать этим рекомендациям и начать приучать ребят действовать вместе по моему приказу.

Мы разучили комплекс упражнений армейской утренней гимнастики, и я отметил, что им понравилось повторять за мной движения. Делали они это с вдохновением, как бы соревнуясь между собой. И даже Алиша временами отвлекалась от помешивания каши, чтобы повторить то или иное движение. А потом вместе мы повели лошадей на водопой.

Утро было прекрасное! Озеро чуть-чуть рябело от легкой зыби. Глаза невольно зажимались от ослепительного блеска солнечных лучей, сверкавших зайчиками в воде. Тальник и

вязы купали ветви и корни, а кое-где берега поросли осокой и рогозом, за которым прятались водоплавающие птицы: тревожно крякали утки, и деловито клацала в ряске лыска. На солнце набегали иногда легкие облака, тогда и озеро, и храм на горе – все мгновенно темнело. Облака уходили – все опять блестело, и кроны деревьев, и трава обливались золотом.

Я разделся и полез в воду. Делать то же ребятам не приказывал, но за мной в водоем вошел Авасий, за ним Лид, а потом и остальные – вначале робко, а потом, бравируя друг перед другом удалью, погружались в теплую водичку градусов под двадцать пять (по моим ощущениям) с головой. Вдоволь наплескавшись, завели в озеро коней, обтерли мягкой травой и отогнали на выпас, оставив с ними Олкабу.

Завтрак не был долгим. Олгасий пошел к коням и сменил брата, а я в сопровождении ребят прогулялся к храму. Туда, по совету Лида, принес подношение – мешочек с просяными зернышками. Заметив местного служителя культа какого-то из богов, подошел к нему и попросил рассказать о Гелоне и его жителях. Выглядел тот обычным сколотом, только рубаха его спускалась ниже колен, и рукава, и низ той одежды были окантованы синей полоской шириной в два пальца. Жрец носил густые усы и бороду, полностью закрывающую тощую грудь. Взгляд маленьких глазок, спрятанных под опухшими веками, лучился доброжелательностью. Постоянно почесывая большой, крючковатый нос, он спокойно, размеренно от-

ветил на все мои вопросы, и даже больше.

Эта часть Гелона была заселена чуть больше ста лет назад и продолжала расширяться, узнал я. Те хутора, что видел вчера у вала, появились там совсем недавно. За озером в десяти стадиях²³ живут и трудятся ремесленники, еще дальше, за их кварталом, тоже у вала живут гелоны. Сто стадиев на запад стоит старый город будинов, тоже хорошо укрепленный, а у южного вала живут добытчики бобров, но их поселение – небольшое.

* * *

Переждав полуденный зной, мы сели на коней и, с намерением посетить поселение гелонов, поехали на запад. Там можно было и купцов найти, и в войско вступить. Что делать стану, к чему сердце склоняется – еще не понял.

Вскоре слышали звон металла, глухие удары молотов, древесный скрип и невнятные крики, а чуть позже открылся вид на полуземлянки, укрытые прелой соломой, бараки, похожие на конюшни со стойлами, в которых трудились кузнецы, плотники, кожевенники, гончары и ткачи. На пригорке, за кузнями дымили куполообразные печи и горны. Когда наша кавалькада въехала в эту слободку, то от шума вокруг поначалу хотелось зажать ладонями уши. Отвык я от тако-

²³ *Стадий* – стадион, единица измерения расстояния у многих древних народов, равная приблизительно 180 м.

го гомона. Война вспомнилась, взрывы... Невольно пустил Рыжика рысью и остановил коня только на выезде из этого промышленного ада. Мое внимание привлекли два десятка подвод, стоящих у дороги.

Почти все они имели дерюжные тенты, натянутые на дужки, две из них только загружались рыхлыми железными крицами. Один возок стоял чуть в стороне и выглядел красивее, роскошнее прочих: тент на нем когда-то был цветным, и дуги возвышались больше обычного, и борта украшены резьбой. У колеса сидел какой-то оборванец с железным обручем на шее. Я спешил и подошел к тому возку. Увидел открытые раны на шее бедолаги и следы от побоев на плечах. Почувствовав тяжелый, тошнотворный дух потного, давно не мытого тела, поморщился. Заметив это, человек горестно улыбнулся.

– Кто ты? – спросил я его.

– Раб уважаемого Аристиды, купца из Ольвии, – с напускным безразличием ответил он.

«Раб?! – От услышанного тут же в висках замолотили молоточки. – Да как же можно человека так мордовать?!»

Удивление и негодование утихли, когда воспоминания Фароата о рабах в Ильмеке стали моими, но потребовалось какое-то время, чтобы усмирить свой гнев. Я присел на корточки перед измученным человеком, стараясь дышать едва заметно, поверхностно, и поинтересовался:

– Давно ты стал рабом?

– Год, как этот жирдяй таскает меня за собой. А до этого я был философом!..

Мне показалась, что на какой-то миг его глаза зажглись, но сразу же и угасли.

– И как ты стал рабом?

– Женщины и вино... Вино и женщины... – он попытался плавно взмахнуть перед собой рукой, но был настолько слаб, что движение получилось едва заметным, только кистью.

Не рассчитывая особо на успех, я поинтересовался:

– Не просветит ли ученый муж насчет того, какие деньги нынче у эллинов в ходу?

– Первый раз вижу скелета, интересующегося монетой! – удивился раб, но потом покорно кивнул и продолжил: – Разные. Каждый полис чеканит свою монету. Впрочем, дельфинов и стрелки не бери, их тут же поменяют на городские деньги с убытком для тебя, если ты собрался посетить Счастливую²⁴. Из старых денег можно взять серебряные оболы с надписью «ОЛВИ», – он пальцем тщательно изобразил титул на земле, дорисовав еще один, и продолжил: – Бери также ассы с изображением змееголовой женщины, на них написано «В-Л-В-І», и мелкую монету, что только начали чеканить – халк и дихалк с ликами великих Аполлона и Деметры. Запомнил?

Я едва качнул головой, размышляя, что увидеть все, о чем рассказал философ, было бы неплохо.

²⁴ *Ольвия* – в переводе с древнегреческого – счастливая.

– Еще, это важно, – словно собираясь с силами, раб сделал паузу, – другие деньги, даже золотые или серебряные из Херсонеса, Nikeи, Пантикапея, любой другой чеканки нынче торговцы в Ольвии не возьмут. Их тут же нужно будет обменять на городские – медные или серебряные монеты, иначе – штраф.

– Спасибо, – буркнул я, а потом меня словно озарило вопросом: – Скажи, сколько стоит такой, как ты, раб?

– Всего пять ассов... – он взялся ободранными, в ссадинах руками за голову и прошептал: – Богатство...

– Прости! Денег у меня сейчас нет... – вырвалось само по себе оправдание тому равнодушию, что вот-вот последует от меня. Я, вдруг почувствовав себя виноватым перед этим человеком, поспешил вернуться к товарищам.

* * *

Философа было жаль, но сильнее я сокрушался, что не спросил у него о цене коня. Пока ехали к поселению гелонов, несколько раз напоминал себе, что на чужой каравай мне рот не стоит разевать, но мысль о продаже хотя бы одной лошади из табунка укоренилась: стрелы нужны, да и по мелочам всяким вроде плащей и хоть какой-нибудь сменной одежды прибарахлиться не помешало бы. Думать, правда, одно дело, а решать – совсем другое. Заставил себя сделать морду кирпичом, как говаривали в моей прошлой жизни о наглецах, не

имеющих совести, и, подождав Лида, ехавшего на темно-коричневом скакуне за мной, спросил:

– Где возьмем стрелы и плащи, что обязательно пригодятся нам в пути, особенно если путь тот будет долгим?

– Еще вчера я думал обменять одну из кобыл на еду и одежду у пахарей. Сегодня ты вождь, рассуживать тебе... – ответил Лид не раздумывая.

– Решать, что делать с вашим имуществом? – удивился я, но спросил с улыбкой, как бы в шутку.

– Ты поделил с нами свою еду и ничего не попросил за это. Мы, сколоты, судим о вождях по их делам, – вернул улыбку Лид. – Давай избавимся от той, рыжей, что и сейчас плетется позади. Случись что, она нас только задержит. А стрелы можно попросить у архонта или его слуг. Слышал я, будто всем защитникам дают оружие...

Мы въехали в овражек с разбитой дорогой, покрытой огромными рыжими лужами. Лошади стали поскользываться, и разговор наш прекратился. И ехали мы так из оврага да в балочку часа полтора. Небо успело потемнеть, ветер рвал с голов моих спутников тиары, а я думал: «Все! Пропали! Вымокнем, как крысы...» Но распогодилось. Ветер стал как будто утихать, и небо зарумянилось. Пушистые кучевые облака, обычно белые, переделались в розовые платья. В воздухе запахло сыростью, как от большой воды – пруда или реки. Вскоре и балка закончилась, дорога уткнулась в деревянный мост на сваях, стоящий на речушке с быстрым течением под

ним, а в тихих заводях украшенной белыми и желтыми цветами на широких листьях. За мостом, на горе виднелись черепичные крыши, краснеющие над валами в лучах заходящего солнца.

Глава 8

Вокруг города перед валом, по балкам и низинам, где журчала вода, расположились кибитки и возки. Там загорались костры и валил дым, ревели быки, переливчато ржали лошади. Дым смешивался с пылью, поднимаемой колесами повозок и копытами коней.

За валами прятались широкие улицы с большими домами, их крыши покрывала черепица, а не солома или рогоз. Домик в деревне из моего детства был меньше многих из тех жилищ, мимо которых мы проезжали. Отбеленные, может быть, совсем недавно стены кое-где пожелтели, а кое-где и закоптились. То тут, то там я замечал следы старых кострищ, а когда совсем стемнело, все поселение осветилось светом сотен разожженных костров. У одного такого огнища мы и заночевали. Не сами, конечно – в компании двух местных воинов. Они в эту ночь несли караульную службу на улице. И за приют мы отдарились вином и кашей. А у Евмела и Дидимоксарфа (запомнил с трудом, хоть и обладал в прошлой жизни отменной памятью) и дровишки нашлись, и в поместье за высоким забором его хозяин доблестных стражей к колодцу пустил.

На окраинах городка дома стоят за плетнями, а кое-где и с открытыми дворами, ближе к центру – высокими заборами. Возвращаться не хотелось. В тот момент передо мной весьма отчетливо встали два факта. Первый стал очевидным с момента моего прибытия в город: за мною следят. Кто и почему – это еще точно не установлено и просто выводит из себя, что никаких предположений у меня нет. Второй факт: я окружен. Впрочем, скажу точнее: окружен вниманием. Алиша бросает в меня частые взгляды, и что она хочет мне сказать? Почему просто не сделает это? Авасий, чувствуя, наверное, мою тревогу, старается держаться рядом, настолько близко, что уже сам становится причиной моего дискомфорта. Толкнул ворота, заперты. Я стукнул тяжелым железным кольцом о дубовое полотно калитки, раздался громкий собачий лай.

– Фароат, не нужно! – кричит Алиша из-за спин ребят.

– Молчи, женщина! Вождь знает, что делает.

Слышу голос Лида и признаю: скорее Алиша права, чем мой новый друг.

Щеколда изнутри стукнула, и калитка приоткрылась. Я толком и заметить за ней ничего не успел, как дверь захлопнулась, и тут же за забором, громче истеричного собачьего лая взвыла труба. На этот рев и прибежали стражники Евмел и Дидимоксарф.

Парни бежали резво и громко: топали и сопели. Увидев вооруженных всадников (меня они заметили позже), тут же остановились. Я вышел из тени забора и примирительно поднял руки вверх, сообщил им, что мы ищем место для ночевки, а стучался в калитку по делу – хотел попросить воды для лошадей. И если хозяину, так славно владеющему трубой, вдруг захотелось всполошить весь город, то мы к этой его причуде никакого отношения не имеем. Стражники, слушая, поначалу лишь сдержанно кивали, а когда я предложил им помочь найти для нас место ночевки, обещая разделить вино и кашу, оживились и указали на незанятое пока кострище.

Спустя два часа я уже жалел о том, что связался с ними. Вино закончилось быстро и в ход пошли высушенные ветки каннабиса²⁵. Стражники бросали их на угли, становились рядом и, положив друг другу на плечи руки, накрывались плащами, вдыхали дым. Фароат еще не имел такого опыта, но был наслышан. В своем мире, в будущем, лишь однажды обонял похожий запах от смолящих самокрутку цыган. Поэтому я старался не дышать тем дымом и прогулялся с Алишей к лошадям. Долгих поцелуев и страстных объятий на этот раз не случилось: чувствовал – Алиша насквозь фальшивая! А почему? В голову ничего не приходило, никаких версий. Вернулись к костру, и я обнаружил ребят всюю вдыхающими дурман вместе со стражниками. Нанюхавшись, они посидели у костра не долго, улеглись спать.

²⁵ *Каннабис* – название конопли у скифов.

Свежий утренний ветерок чуть-чуть подул с севера. Открыв глаза, я слегка вздрогнул, и от ветерка и от воспоминаний. Заря охватила уже полнеба, я потянулся, заглянув себе за спину, и невыразимый ужас объял мою душу, страх заледенил кровь и почти лишил сознания Фароата: Силак собственной персоной восседал на каком-то мешке и смотрел на нашу утомленную бурной ночью компанию. За его спиной стояли два воина. Их хмурые, заросшие бородами лица были знакомы Фароату. Он видел их когда-то, но имен не помнил. У ног хозяина Ильмека лежала Алиша. Ее руки и ноги были стянуты ремнями, а во рту торчал кляп. Силак держал в руке акинак.

Мое раннее пробуждение, похоже, как-то нарушило его планы.

– Проснулся, собака? – прошипел он и замахнулся.

Страх и так сжимал мое сердце, и я сидел перед ним, как говорится, ни жив ни мертв.

И то, что все эти ощущения достались мне в наследство от Фароата, ничего не меняло. Моего контроля только и хватило, чтобы вытянуть руку и воскликнуть:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.